

Дарья Донцова

Легенда о трех мартышках

Любительница частного сыска
Даша Васильева

ЭКСМО

сотая
100
книга

Дарья Аркадьевна Донцова
Легенда о трех мартышках
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 34

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176985
Легенда о трех мартышках: Эксмо; М.: 2009
ISBN 978-5-699-32779-9*

Аннотация

Множество тайн разгадала любительница частного сыска Даша Васильева. Теперь ей предстоит раскрыть еще одну – самую страшную и самую важную! Тайну ее семьи! Дашу воспитала бабушка Афанасия Константиновна. Она рассказывала, что родители девочки погибли в горах. Но спустя много лет выяснилось – во всей этой истории нет ни слова правды! А правда оказалась такой невероятной, что даже прошедшая огонь, воду и медные трубы Даша Васильева отказывается в нее верить!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	44
Глава 6	57
Глава 7	66
Глава 8	78
Глава 9	90
Глава 10	101
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Дарья Донцова

Легенда о трех мартышках

Глава 1

Если с напряжением ждешь важного телефонного звонка, то трубка будет упорно молчать, все забудут ваш номер. Но если вы решили мирно полежать в ванне с пеной, то телефон начнет звонить как оглашенный. Я быстро выскочила из воды, схватила халат, натянула его на мокрое тело и бросилась искать мобильный, который заливался соловьем.

У нас большая семья и огромная собачье-кошачья стая, остаться одной в доме практически невозможно, но сегодня как раз такой уникальный случай. Рано утром Маша, Ирка и Иван погрузили в машину всех животных и повезли их в ветеринарную клинику. Нет, Хуч, Черри, Снап, Банди, Жюли и Клеопатра с Фифиной здоровы, просто мы раз в год проводим общую диспансеризацию, и, если честно, никто из четверолапых не любит ездить к доктору. Питбуль Банди, увидев врача со шприцем, обычно, не забыв предварительно описать, падает в обморок. Пуделиха Черри, едва к ней приближаются с желанием взять капельку крови, валится на пол и растекается, как желе. Черри словно лишается костей, и сгрести с плитки ее практически невозможно. Ротвейлер

Снап избрал другую тактику, он устраивает натуральную истерику. Едва машина заруливает во двор клиники, как Снапун принимается выть, сперва тихонько, потом все громче и громче, а когда его пытаются вытащить из автомобиля, «храбрый» пес тормозит всеми четырьмя лапами и орет так отчаянно, что сбегаются сердобольные прохожие и начинают возмущаться и звонить в общество защиты животных. С кошками чуть легче, они сидят в перевозке, и врачи научились вытаскивать их без особого ущерба для собственного здоровья, нужно лишь натянуть на руки толстые кухонные варежки. А вот Жюли, несмотря на свои крохотные размеры, отчаянно кусается. Йорку приходится заматывать пасть, и, пока доктор ее осматривает, Жюли упорно пытается прогрызть бинты. Она, как и Банди, норовит превратить кабинет в туалет, но, если питбуль писается бессознательно, от страха, терьериха действует намеренно. Как только ее опускают на пол, она с ловкостью обезьянки забирается на ботинки врача... А потом Маша стрелой мчится в ближайший торговый центр, чтобы приобрести доктору новую обувь взамен испорченной.

Единственный храбрец у нас мопс Хуч. Он спокойно входит в лечебницу и, не обращая ни малейшего внимания на очередь, важно шествует в знакомую комнату. Если на столе у ветеринара сидит незнакомая собака, Хучик с явным удивлением произносит:

– Гав?!

В переводе на человеческий язык это означает: «Эй, доктор, что за дела? Я уже здесь!»

После того как мопса усаживают под большой лампой, он протяжно вздыхает, сам подает медсестре правую переднюю лапу и отворачивает морду к стене. Наблюдать за тем, как у него берут кровь, Хучу не нравится. Весь персонал медцентра обожает мопса за примерное поведение, врачи, фельдшеры и уборщицы закармливают его вкусными дропсами. Ясное дело, остальных наших хулиганов никто ничем не угощает. Вот и сейчас, очевидно, уже душа мопса наслаждается проявлением всеобщей любви, а желудок – конфетами.

Дегтярев уехал в командировку, раньше чем в пятницу он не вернется, а Аркадий с Ольгой улетели в отпуск в Киев к маме Зайки, их не будет до двадцать пятого января.

Сегодня я могу наслаждаться столь редким для меня одиночеством. Вот только к телефону никто, кроме меня, не подойдет. Очень надеюсь, что это звонит посторонний человек, а не Маня, забывшая дома историю болезни кого-то из псов, она будет сердиться на мою нерасторопность.

Споткнувшись о консоль в коридоре и едва не опрокинув торшер в столовой, я заметалась в поисках трубки. И где она? Почему мы никогда не кладем аппарат на одно место? Кто оставил в кресле огрызок яблока? Чьи тапки разбросаны по полу? И что за настырная личность трезвонит с утра?

Наконец я увидела верещащий аппарат под диваном, встала на колени, схватила его и, запыхавшись, заорала:

– Кто там? То есть аллю!

– Добрый день, – прозвучал в ответ красивый баритон, – позовите, пожалуйста, Дарью Ивановну Васильеву.

У меня отлегло от сердца. Слава богу, это посторонний человек, ему не придет в голову ругать хозяйку, которая не сразу откликнулась на вызов.

– Можно госпожу Васильеву? – повторил баритон.

– Слушаю, – ответила я.

– Вас беспокоит Сергей Петрович Водоносков.

– Извините, кажется, мы не знакомы, – осторожно уточнила я.

– Верно, – согласился баритон, – но нам очень надо побеседовать.

– Кому? – насторожилась я.

– Вам и мне. Приезжайте, пожалуйста, по адресу Туристская улица...

– Это абсолютно исключено, – решительно заявила я, не дослушав. – Я никогда не договариваюсь о свиданиях с незнакомцами. Допускаю, что вы порядочный человек, но мною с детства усвоено простое правило: приличные женщины не общаются невесть с кем невесть где.

– Очевидно, Афанасия Константиновна умела убеждать, раз вы запомнили ее уроки на всю жизнь, – засмеялся Сергей Петрович.

Я не сумела скрыть удивления.

– Откуда вам известно имя моей бабушки?

– Из дела, – коротко прозвучало в ответ, – ваша мать как свою родственницу указала Афанасию Константиновну. Впрочем, это длинная история, очень запутанная и, думаю, крайне для вас важная.

– Моя мать? Я ничего о ней не знаю, – окончательно потерялась я.

– Приезжайте и узнаете много интересного, – сказал Водоносов.

Я хотела уже воскликнуть: «Да, конечно, во сколько?», но вспомнила о наивных детях, которые в ожидании подарка бегут за педофилом, пообещавшим им новые игрушки, и бдительно заявила:

– Соблазнительное предложение, естественно, мне очень хочется приподнять завесу над давними тайнами, но, повторяю, я не общаюсь с незнакомцами.

– Младенцы не появляются на свет, сжимая в ручках телефонные книжки с номерами друзей. Рано или поздно приходится с кем-то заводить знакомство, – весело сказал Сергей Петрович. – Вы ведь в хороших отношениях с Ефимом Николаевичем Пузиковым?

– Да, мы учились вместе в институте и до сих пор дружим, – подтвердила я.

– Позвоните ему, но только прямо сейчас, – скомандовал Водоносов и отсоединился.

Глава 2

Разговор заинтриговал меня, поэтому я незамедлительно набрала номер Фимы. Пузиков некогда был звездой нашего курса. Немалую роль в этом сыграла его внешность: высокий блондин с большими карими глазами и красивой атлетической фигурой – бицепсы, трицепсы, – просто ожившая девичья мечта. Ефим здорово играл в волейбол, был на несколько лет старше однокурсников и, в отличие от нищих студентов, всегда был при деньгах. Пузикова звали во все компании, потому что великолепно знали: там, где появляется Фима с гитарой, никогда не бывает скучно. Рот у Пузикова никогда не закрывался, из него постоянно сыпались анекдоты, байки и подчас не очень литературные истории. Я никогда не любила скабрёзности, но в устах Фимы даже генитальный юмор звучал не пошло, а смешно. Ефим хорошо одевался, носил только импортные шмотки, за что однажды его вызвали в бюро комсомола и отчитали за преклонение перед западной модой.

Фима, не моргнув глазом, ответил:

– Я дружу с одноклассником Романом Зайцевым, ему отец часто привозит подарки из командировок. Когда он ошибается размером, брюки и свитера достаются мне.

Больше претензий к франту не предъявляли, Зайцев-старший служил в КГБ, об этом знали даже институтские кошки,

ясное дело, от Ефима отвязались.

Единственным недостатком студента Пузикова была не очень хорошая успеваемость, иностранные языки давались Фиме с трудом. На занятиях он обычно подсаживался ко мне и шептал:

– Дашута! Погибаю, как швед под Полтавой! Помоги!

Я молча выполняла его задание, и Пузиков пел спасительнице хвалебную оду. На мой взгляд, Фиме следовало поступить в какой-нибудь технический вуз, он легко чинил неисправные электроприборы и ловко вбивал в стены гвозди. Как-то раз Фима за пять минут реанимировал у нас дома утюг. Уверенно разобрал агрегат, вытащил из него какую-то штуку, похожую на кустарные белые бусы, поковырял их, и бабушка вновь смогла беспрепятственно гладить.

Одно время Ефим пытался за мной ухаживать, провожал домой, пару раз звал в кино и даже дарил неизвестно где добытые коробки шоколадных конфет, настоящий раритет в те годы. Но мое сердце тогда было отдано другому парню, совсем не такому красивому и веселому, как Пузиков. Мой избранник принадлежал к породе маменькиных сынков, он искренне считал, что девушек господь создал для ублажения мужчин, и особо не заморачивался демонстрацией пылких чувств. Инициативу проявляла я, звонила ему сама и на вопрос: «Может, сходим в кино?» слышала в ответ:

– Ну ладно, если тебе так хочется. Только купи билеты не ближе десятого ряда.

Очень хорошо помню, как на очередное Восьмое марта я сидела дома, ожидая поздравлений от возлюбленного, но до трех часов дня мой Ромео так и не прорезался. Я не выдержала и пошла рыдать в ванную, но не успели слезы хлынуть из глаз, как из прихожей донеслась веселая трель звонка. Мигом промокнув лицо полотенцем, я кинулась к входной двери. Ясное дело, на лестничной площадке сейчас стоит ОН. Бедняжка, ему пришлось с раннего утра носиться по Москве в поисках чахлах красных гвоздик, тюльпанов или мимозы. Вот почему милый до сих пор не поздравил меня с раннего утра, он готовил сюрприз!

Задыхаясь от счастья, я распахнула дверь и увидела... огромный букет бордовых роз, даже сейчас, когда флористы торгуют на каждом углу, он мог бы считаться роскошным, а уж в те далекие годы такие цветы казались нереально шикарными.

– Это мне? – прошептала я.

– С праздником, – весело произнес знакомый, но отнюдь не долгожданный голос, – а конфеты Афанасии Константиновне, хотя, конечно, и тебе не запрещено их есть. Чаем угостишь?

– Проходи, – с трудом скрыв разочарование, сказала я Фиме, – однако бабушка на работе.

– Я люблю твою бабулю, но не стану прикидываться огорченным из-за ее отсутствия. – Пузиков потер руки. – Вечер наедине с тобой для меня лучший праздник.

Последняя фраза звучала как признание в любви. Ну согласитесь, любой девушке лестно иметь поклонника, который ради нее готов на подвиги, а во времена моей юности покупка двухэтажной коробки «Ассорти» и роз приравнивалась к победе на рыцарском турнире.

В тот день Фима был в ударе, он рассказывал анекдоты, изображал наших преподавателей и рассмешил даже вернувшуюся с работы Афанасию. В какой-то момент я подумала, не изменить ли свое отношение к Ефиму, и после ухода ухажера сказала бабуле:

– А он милый! И очень внимательный! Смотри, какие цветы принес!

Афанасия неожиданно нахмурилась.

– Не люблю розы!

– Правда? – удивилась я. – Впервые слышу! Интересно, где Фима раздобыл такой букет Восьмого марта?

– Скользкий он какой-то, – дернула плечом бабушка.

– Ты про подарок? – поразилась я.

– Я о Пузикове говорю, – пояснила Афанасия. – Ну откуда у простого студента деньги на подобные подношения? Что ты о нем знаешь?

Я растерялась.

– Он старше нас, уже отслужил в армии, живет в общежитии.

Бабушка кивнула.

– Отец Фимы вроде был полковником, – продолжала я, –

он давно умер, а мама его работает, только не помню кем, она живет в другом городе.

– Богатый жених, – подытожила Афанасия, неодобрительно косясь на коробку конфет.

– Нет, – засмеялась я, – Ефим по вечерам товарные вагоны разгружает и помогает кочегару в какой-то котельной.

– Значит, розы и конфеты парень украл, – сделала неожиданный вывод бабуля, – сувенирчики на половину моей зарплаты тянут.

– Не говори глупостей, – разозлилась я, – весь курс знает, что Пузиков в меня влюблен! Наверное, он на еде экономил, хотел устроить мне настоящий праздник.

– Мда, – крякнула Афанасия.

Мне ее реакция не понравилась, я хотела продолжить спор, но тут ожил телефон, на том конце провода оказался ОН, и я, начисто забыв и о бабуле, и о Фиме, понеслась на свидание.

Спустя неделю Фася неожиданно сказала:

– Дашенька, я не вечная!

Меня тут же охватил дикий страх.

– Терпеть не могу подобные разговоры! Сейчас же перестань! Наука идет вперед семимильными шагами, скоро найдут лекарство от старости, ты проживешь еще сто лет!

– Маловероятно, – улыбнулась бабуля, – пообещай мне одну вещь!

– Что угодно! – опрометчиво заверила я.

– Никогда не заводи романа с Пузиковым, – жестко сказала она. – Поверь, он неприятный человек!

– Опять! – всплеснула я руками. – Фима хороший! И он мой друг! С какой стати ты на него взъелась?

Бабушка ткнула пальцем в сторону стола.

– Мне очень не понравилась эта коробка!

Я хотела было раскричаться, но, вспомнив о почтенном возрасте Афанасии, подавила раздражение и сказала:

– Бусенька, мы просто приятели! Я люблю совсем другого мужчину!

– Вот и хорошо, – с явным облегчением воскликнула Фася.

Более мы не обсуждали Пузикова, я так и не поняла, по какой причине моя очень толерантная к окружающим бабуля на дух не выносила Ефима. Он изо всех сил старался ей понравиться, и, конечно же, внешне Афанасия не выказывала ему своего отношения, она была слишком воспитана для того, чтобы фыркать человеку в лицо. Полагаю, Пузиков считал, что Фася, как и все вокруг, его любит, но я понимала: интеллигентно ему улыбаясь, в душе бабушка терпеть его не может.

Букет из роз завял, конфеты я съела, а в жестяную коробку из-под них стала прятать пуговицы. Кстати, коробка жива, хранится в шкафу до сих пор, и я по-прежнему держу в ней всякие мелочи.

После окончания института мы с Ефимом не потеряли

связи друг с другом и пару раз в месяц непременно созваниваемся. Естественно, поздравляем друг друга с праздниками, Фима по сию пору очень внимателен, он и теперь ухитряется преподносить мне совершенно невероятные букеты, например, на Новый год я получила от него цветочную композицию в виде собаки. Понимаете, почему, услышав от незнакомого Водоносова фамилию «Пузиков», я моментально соединилась с другом и без обиняков спросила:

– Ты знаком с Сергеем Петровичем?

– Очень редкое сочетание имени и отчества, – тут же съязвил Фима. – Думаю, мне поможет фамилия.

– Водоносов, – быстро сказала я. – Он велел мне тебе позвонить.

– Серега?

– Так ты его знаешь?

– Конечно, причем очень давно, а что?

– Странная ситуация, – я ввела Пузикова в курс дела, – представляешь, Водоносов предложил мне встречу...

Ефим внимательно выслушал меня и с любопытством поинтересовался:

– А что ты знаешь о своей матери?

– Практически ничего, она умерла, когда я была младенцем.

– Вообще ничего не помнишь? – удивился приятель.

– Иногда мне снится странное помещение, – протянула я, – то ли коридор, то ли пеналообразная комната, в ней нету

мебели, посередине стоит женщина в сером халате, я понимаю, что это мама, и начинаю рыдать. Но, скорее всего, это игра воображения, дама очень высокая, головой под потолок.

– Может, просто ты была совсем крохотная, – предположил Фима. – Чем меньше ребенок, тем более монументальными кажутся ему взрослые.

– Наверное, ты прав, – согласилась я, – но больше о своей матери мне ничего не известно.

– А Афанасия Константиновна что рассказывала?

– Ничего. Сообщила лишь, что мои родители пропали в горах. Они увлекались альпинизмом и погибли во время летнего спуска.

– И это все?

– Да, – вздохнула я, – никаких подробностей и никаких воспоминаний.

– Ну хоть фотографии она тебе показывала?

– В нашем доме не было снимков родителей, – нехотя признала я, – только мои детские: праздники в садике, съемки в школе. Когда я была крохой, в нашей комнате случился пожар, загорелся утюг. Афанасия сама потушила огонь, обошлась без пожарных, но пламя успело уничтожить альбом с фотографиями. Ни один снимок моих родителей не сохранился. Бабушка старательно скрывала прошлое, похоже, ей не хотелось, чтобы я знала правду о матери, которая жила с мужчиной без штампа в паспорте.

– Слушай, это так странно, – воскликнул Фима, – прости за замечание, но мы взрослые люди, поэтому, думаю, я не нанесу тебе травму. В юности я спрашивал у тебя про родителей, ни разу не услышал в ответ ничего внятного и сообщал: тебе неприятны эти разговоры. Один раз я проявил бестактность и попытался вызнать что-нибудь у Афанасии. Она на меня так посмотрела, что я прирос ногами к полу.

– Да уж, бабуля могла без слов любого на место поставить, – усмехнулась я, – со мной она тоже не откровенничала. На все вопросы Фася обтекаемо говорила: «Ты лишилась и матери, и отца очень рано, надеюсь, мне удастся вырастить тебя без комплекса сироты». Фася обещала рассказать подробности о родителях, когда я стану старше, но скончалась, так и не раскрыв рта. Я долго не могла понять, почему она скрывала от меня правду. Впрочем, она не сообщила и о том, что имела родную сестру Анастасию, по прозвищу Стюра-катафалк.¹

– Красиво звучит, – не сдержался от колкости Ефим.

– Стюра похоронила нескольких мужей, но не о ней речь! Один раз я попыталась суммировать крохи сведений, полученных от бабули, и поняла: мои родители не состояли в официальном браке. Предполагаю, что отец, узнав о беременности матери, попросту сбежал, а она от стресса тронулась умом и попала в психиатрическую клинику.

¹ История Стюры рассказана в книге Дарьи Донцовой «Бассейн с крокодилами», издательство «Эксмо».

– Ой-ой-ой, – запричитал Фима, – совсем некрасивая история!

– Бабушка не хотела, чтобы малышка жила с мыслью о том, что ее мать сумасшедшая, – продолжала я, не обращая внимания на реакцию Пузикова. – После кончины дочери она поменяла квартиру, переехала в коммуналку на улице Кирова, нынешней Мясницкой, потом мы еще пару раз перебирались с места на место. Когда мне пришла пора получать паспорт, в милиции потребовали свидетельство о рождении. Бабушка вручила мне книжечку зеленого цвета, вернее, бумажку, напоминавшую сберкнижки прежнего образца. И тогда я узнала, что мою маму звали Елена Ивановна Васильева, а отца Иван Петрович Васильев. Думаю, Фася каким-то образом упростила сотрудницу загса пойти на должностное преступление, вероятно, дала взятку, и вместо прочерка в метрике у меня появился отец Иван Петрович Васильев. Афанасия боялась вырастить закомплексованного ребенка.

– Чушь, – воскликнул Фима. – Эка беда! Родилась вне брака! Да таких детей миллионы!

– Ты забыл время нашей юности? – удивилась я. – Все эти анкеты, которые заполнялись по любому поводу? Вторым вопросом в них было: «Паспортные данные отца, матери и место их работы». Затем шел еще более интересный третий пункт: «Находились ли ваши родители и ближайшие родственники на временно оккупированной немецко-фашист-

скими войсками территории СССР?» Четвертая строка требовала ответа на коварный вопрос: «Имеете ли родственников за рубежом?» И только потом шел приснопамятный пятый пункт: «Национальность».

Как заполнить анкету, ничего не зная про папу? Честно написать: «Об отце сведений не имею»? А вдруг он служил полицаем, сотрудничал с фашистами, проживает в Америке и является евреем? Меня бы ни за какие медали не приняли в университет, тем более на факультет иностранных языков! Фася понимала это и подстелила соломы на жизненном пути внучки. Ко мне не было претензий, потому что я везде писала: родители погибли во время летнего отдыха.

Они оставили меня с бабушкой, а сами укатили на Кавказ, сняли у кого-то из местных жителей комнату и лазили по горам. Однажды разразился ливень, и деревню затопил селевый поток, погибло все население, включая и группу альпинистов из столицы. У Фаси, очевидно, имелись свидетельства о смерти, но я их ни разу не видела и после ее кончины никаких документов не нашла.

– Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд, – схохмил Фима. – Твоя бабушка была выдающейся женщиной!

– Верно, – согласилась я. – Значит, ты характеризуешь Водоносова с положительной стороны?

– Нормальный мужик! – подтвердил Пузиков. – Раньше работал в КГБ, настоящий служака, чем-то на Дегтярева похож, по характеру, не внешне. Сейчас он по-прежнему на от-

ветственной работе. Извини, подробностей не знаю, Серега не говорит на служебные темы, а я не спрашиваю. Мы с ним в основном о рыбалке и охоте треплемся. Водоносов давно женат, у него три дочки, внучка, хорошая семья.

– Уговорил, – остановила я Фиму, – встречусь с ним.

Глава 3

Записав адрес дома, где меня через час будет ждать Водосов, я побежала в холл и была остановлена звонком телефона. Я схватила трубку, весьма удачно лежавшую на ботиночнице.

– Дашута! – залпом взорвался в ухе звонкий голос. – Как хорошо, что ты дома! Могла уехать! И тогда я из-за того, что тебя нет дома, попала бы в ужасную ситуацию, но ты дома, и я не попала в ужасную ситуацию из-за того, что тебя нету дома. Полагаю, это судьба!

Меня охватила тоска. Ну почему, когда Зайка или Маша пытаются дозвониться домой, телефон заваливается неизвестно куда и приходится его целый час искать? Нет бы трубке испариться сегодня, когда со мной жаждет пообщаться ужасная Галя Мысина. Нет, я хорошо к ней отношусь, мы дружим лет двадцать, но Галина не способна коротко и внятно разговаривать, а заткнуть фонтан ее «красноречия» невозможно. Вот и сейчас Галка тарахтит как обезумевшая погремушка.

– Меня срочно отправляют в командировку! Уроды! Не имеют права! Я уже ездила на запуск! И снова! Елы-палы! А куда деть Александра Михайловича? Он один жить не может, сам еду не найдет, будет скучать! Вот скоты! Вся надежда на тебя... старт... расчет... телефон...

Я перестала слушать, лучше не вникать в детали. Пусть Мысина слегка успокоится и прямо сообщит, что ей требуется. Галка работает в оборонном НИИ, она каким-то образом связана с ракетами и вынуждена ездить на полигон, где проводят их испытания.

– У Нинки ремонт, – тархтела Мысина, – она отдала Александра Михайловича Катке, а та... эй, ты там заснула?

– Нет, – с тоской ответила я, – кто такая Нина?

– Сестра Кати, жены Миши, брата Сергея, – выпалила Галка. – Забыла Серегу? Ну вообще! У вас же роман был!

– У меня? – искренне удивилась я. – Не помню никакого романа с парнем по имени Сергей!

– У тебя склероз! – резюмировала Мысина. – Я у вас на свадьбе гуляла, подарила полезную вещь – электроодеяло!

Я поразились еще больше.

– Я никогда не ходила в загс с Сережей!

– Ну ты даешь, – восхитилась Галка. – Составь список бывших супругов и спрячь в тумбочку, а то лет через пять на фиг позабудешь, с кем когда расписывалась!

– Сергея не было, – стояла я на своем, – и одеяла от тебя я не получала!

– Электрический плед, – уточнила Мысина, – розовый, в синюю клетку. Между прочим, совсем не дешевый! Шикарная штука! Включаешь его в сеть, и через пять минут тепло, для дачи незаменимая вещь!

– Такое одеяло было у Веры Машковой, – пробормотала

я, – и ее бывшего мужа как раз звали Сережей. Ты перепутала меня с Веркой.

Мысина на секунду замолкла, а потом возмутилась:

– Зачем ты про Сергея заговорила?

– Я?

– А кто же? Он вообще ни при чем! Короче, отвечай, возьмешь ненадолго Александра Михайловича? – наконец-то конкретно изложила свою просьбу Мысина.

– А он кто? – я попыталась разобраться в ситуации.

Галка заверещала, как сошедшее с ума радио. В конце концов мне удалось кое-что понять. У Галины есть сестра Нина, которая, вопреки всякой логике, зимой затеяла ремонт. Беда, как известно, не приходит одна. Нина съехала на снятую временно квартиру и сломала ногу, теперь она лежит в больнице. Как я поняла из рассказа Гали, вместе с Ниной живет некий Александр Михайлович.

– Совершенно очаровательное существо, – чирикала Мысина, – он у Нины всего год, но обожает ее до потери пульса. Представляешь, в каком положении бедный оказался? Сначала его из родного гнезда перетащили в съемную халупу, а потом хозяйка загремела в клинику. Прикинь, он сутки просидел один! Голодный! Чуть не умер от тоски!

Я постаралась не рассмеяться. Бедной Нине не везет на личном фронте, ей постоянно попадают весьма странные мужчины, теперь к ее берегу прибило некоего Александра Михайловича, который рыдает от голода, не зная, как от-

крыть холодильник!

– Нинка попросила Катюку за ним присмотреть, – неслась дальше Галя, – а Катюха, дрянь такая, привела его ко мне. Я, конечно, приютила временного сироту, но сейчас вынуждена уехать на полигон...

– Короче, – потребовала я, посмотрев на часы, – я опаздываю!

– Пригрей Александра Михайловича на недельку! Он милый, воспитанный, ест все, никаких проблем с туалетом, веселый, одна радость на него смотреть, – выпалила Мысина.

– А сколько ему лет? – осторожно осведомилась я, меня насторожили слова: «никаких проблем с туалетом».

Может, Галка хочет поселить у нас дома столетнего старца, который не всегда сам доползает до унитаза?

– Точно не скажу, возраст средний, у него самый расцвет сил, и вообще он чемпион, – заявила Мысина.

– Спортсмен? – переспросила я.

– Да, – подтвердила Галка, – победитель многих соревнований, обладатель кучи наград, занимает сплошь первые места. Нину обожает, считает за мать родную. У него тяжелая судьба, досталось бедняжке, двух хозяек похоронил! Но мрачным не стал! У тебя с ним проблем не будет! Плиз! Дашута!

– Ладно, – сдалась я, – пусть приезжает вечером, после шести!

– Супер, – обрадовалась Галка, – привезу его и в аэропорт

успею.

– А сам он не способен приехать? – возмутилась я.

– Смеешься? – фыркнула Мысина. – Ну, до вечера.

Я пошла к машине, размышляя на ходу. Если этот Александр Михайлович действующий спортсмен, то он, должно быть, совсем молод, хотя я не спросила, каким видом спорта он занимается. Вдруг этот тип шахматист, тогда ему могло уже перевалить за полвека. Хорошо, что «подкидыш» ест все, многие профессионалы тщательно соблюдают диету. Еще больше меня обрадовало сообщение о веселом характере и аккуратности временного жильца. Правда, он не самостоятелен и эмоционально не зрел, не способен себя обслужить и плачет от тоски. Но Галка подбрасывает нам парня всего на семь дней! Надо же помочь бедной Нине, мало ей ремонта, так еще и ногу сломала. Сейчас же позвоню Ирке на мобильный, предупрежу, что нужно подготовить одну из гостевых комнат и купить йогуртов и свежий хлеб.

Размышляя о домашних делах, я довольно быстро доехала до Туристской улицы, нашла нужный дом, поднялась на пятый этаж и позвонила в дверь. Она сразу распахнулась, и на меня повеяло запахом пыли и сырости.

– Дарья? – спросил высокий худой пожилой мужчина. – Я Сергей.

– Очень приятно, – вежливо ответила я, сняла куртку, водрузила ее на вешалку, где висело одно серое полупальто, и стала расстегивать сапожки.

– Не снимайте обувь, – остановил меня Водоносов.

– На улице, несмотря на январь, слякоть, я, правда, езжу на машине, но пришлось пешком пересечь двор, запачкаю пол, – сказала я.

– Ерунда, – отмахнулся Сергей, – проходите в комнату.

Я покосилась на его черные квадратные, на толстой подошве ботинки на полу у двери. Ни коврика, ни тряпки и в помине нет, пришлось, невзирая на угрызения совести, топтать по паркету, оставляя за собой мокрые следы. Но едва я очутилась в квадратной гостиной, как вся неловкость исчезла. Окна закрывали дешевые жалюзи, вдоль одной стены тянулись полированные шкафы столетней давности, у второй стояли диван, образец советской мебельной промышленности конца семидесятых, и два нелепых кресла, между ними притулился журнальный столик на паучьих ножках. Здесь не было ни одной безделушки, ни одной салфеточки, ни пледов, ни подушек, ни газет. Штук пять книг, стоявших на полке, не придавали комнате ни уюта, ни жилого вида.

– Садитесь, – радушно предложил Сергей Петрович.

Я осторожно опустилась в продавленное кресло и спросила:

– Почему вы позвали меня на конспиративную квартиру? Неужели нельзя было встретиться в кафе?

Водоносов улыбнулся:

– Вы наблюдательны!

Я пожала плечами:

– Не требуется особой наблюдательности, чтобы понять: тут никто постоянно не живет.

– Отлично, – кивнул Сергей, – давайте сразу к делу. Когда вы последний раз встречались со своей матерью?

– Никогда, – спокойно ответила я.

– Правда?

– Абсолютная, – кивнула я.

Водоносов открыл портфель и выложил на столик фотографию.

– Посмотрите, может, кого-нибудь узнаете.

Я взяла снимок, он оказался черно-белым, очень плохого качества, изображение расплывалось, но через минуту я воскликнула:

– Бабуля!

– Можете назвать имя женщины? – склонил голову набок Водоносов.

– Похоже на съемку камеры видеонаблюдения, – пробормотала я. – Какое-то странное фото! Это Афанасия Константиновна, моя бабушка.

– А ребенок вам известен?

Я вгляделась в карточку.

– Девочка, маленькая, дошкольница, лица не видно.

– Почему вы решили, что ребенок женского пола?

– Хороший вопрос, на малышке юбочка, мне не встречались мальчики, которые носят юбки, если они, конечно, не шотландцы, – съехидничала я.

Но Сергей Петрович даже не улыбнулся.

– Ради конспирации Ванечку могли нарядить Машенькой.

Я заморгала, а Водоносов сказал:

– Но на фото девчушка, и это вы.

– Я?

– Не узнали себя?

– Каким образом? Я говорила, что лица не разобрать.

– А по одежде?

Мне стало смешно.

– Вы помните, что носили в три-четыре года?

– Конечно, – на полном серьезе заявил Сергей Петрович.

– Стоит позавидовать столь невероятной памяти, – ухмыльнулась я.

Водоносов вынул сигареты.

– Вы не возражаете? Я знаю, что вы курите, причем уважаете весьма крепкий табак.

– Верно, – кивнула я, – похоже, вы тщательно подготовились к беседе. Но мне скрывать нечего, давайте перестанем ходить вокруг да около. Скажите, зачем вы меня сюда пригласили.

Сергей Петрович чиркнул зажигалкой:

– Не помните, куда ходили тогда со своей бабушкой?

Мое терпение лопнуло.

– Сто лет назад?

– Вы великолепно сохранились для дамы, перешагнувшей вековой юбилей, – неожиданно улыбнулся мой собеседник. –

Я с трудом дал бы вам тридцать пять!

Отлично понимая, что его любезность вызвана исключительно желанием выудить из меня какую-то информацию, я тем не менее не удержалась от улыбки, но быстро погасила ее и сказала:

– Маленькая собачка до старости щенок.

– Красивая женщина прекрасна в любом возрасте, – отбил подачу Водоносов.

– Будем считать китайские церемонии законченными, – протянула я, – говорите.

– Ваша бабушка была уникальной женщиной, – произнес Сергей Петрович, – весьма нестандартного мышления.

– Если в столь завуалированной форме вы хотите сообщить мне о том, что Фася резалась в карты на деньги и была хорошо известна в подпольных игорных домах, то можете не стараться, я великолепно знаю о ее привычках и не осуждаю!²

– Ежик, спрячь иголки, – по-детскиотреагировал Сергей. – Афанасия Константиновна была храброй дамой. Она резко осудила своего сына, но тем не менее забрала его ребенка.

– Какого сына? – подскочила я. – У бабушки была дочь, моя мать!

– Нет, – покачал головой Водоносов.

Я попыталась прийти в себя.

² См. книгу Дарьи Донцовой «Бассейн с крокодилами», издательство «Эксмо».

– Вы хотите сказать, что Фася мать моего отца?

– Именно так, – подтвердил Сергей Петрович.

– Но она никогда не упоминала о нем! Ни единым словом! – растерялась я. – И я всегда полагала, что бабуля моя родственница со стороны мамы!

– Почему? – задал естественный вопрос Водоносов.

– Действительно, – призадумалась я, – может, просто принято считать, что дети остаются с мамами и их родственниками?

– В вашем случае вышло наоборот.

– Афанасия практически ничего не рассказывала о моих родителях, – ошарашенно протянула я, – но о маме она все же обронила пару слов, а вот папа был табу. Я считала, что он обманул невинную девушку и сбежал, поэтому несостоявшаяся теща вычеркнула его из памяти.

– И вас не удивляло, что Афанасия не скорбела о дочери? Не показывала вам фото? Не рассказывала всякие истории?

– Елена Ивановна и Иван Петрович погибли во время отпуска, – залепетала я, – мне в ту пору исполнилось несколько месяцев. Общих снимков с папой и мамой у меня не было. В годы моего детства фотоаппараты были далеко не у всех, во-первых, из-за их дороговизны, а во-вторых, проявка пленки дело муторное, люди предпочитали ходить в студии, где их «щелкали» профессионалы. А еще в нашем доме случился пожар, фотоальбом погиб.

– Можете не вдаваться в подробности, – пожал плечами

Сергей Петрович, – ладно, снимков нет, но почему бабушка не делилась своими воспоминаниями? Отчего она категорически не желала говорить вам о ваших родителях? Или все же рассказывала, но взяла с вас обещание хранить тайну?

– Семейный альбом сгорел во время пожара, – напомнила я, – а о моих родителях Фася молчала. Почему, не знаю! Хватит играть со мной в кошки-мышки. Выкладывайте, в чем дело, или я уйду! История родителей может быть интересна только их ребенку. Я выросла с сознанием того, что и папу и маму мне заменила бабушка, можете не верить, но никаких моральных терзаний от своего сиротства я не испытывала. В подростковом возрасте у меня был период острого любопытства, но оно погасло. Для меня и отец и мать фантомы, я по ним не тоскую. Нельзя испытывать привязанность к тем, кого не знаешь!

Сергей Петрович снова наклонился к портфелю и вынул оттуда тоненькую папочку.

– Читайте, – коротко приказал он.

Я решила показать характер.

– Что это?

– Биография вашего отца, – объяснил Водоносов, – весьма интересная, даже увлекательная справка.

Не сумев побороть любопытства, я схватила листок.

Глава 4

«Васильев Игорь Семенович родился в городе Москве. Мать – Афанасия Константиновна, стоматолог, отец Семен Юрьевич скончался от пневмонии вскоре после рождения сына. Игорь воспитан отчимом – Михаилом Андреевичем».

Я оторвалась от бумаги.

– Дедушку помню плохо, он умер, когда я была совсем крошкой. Но я всегда пребывала в уверенности, что Афанасия выходила замуж всего раз в жизни! Она никому никогда не говорила о первом супруге. Более того, в свое время я была замешана в одной истории, связанной со Стюрой-катафалк и ее дочерью по прозвищу Люка³. Ни бабушки, ни ее сестры Анастасии тогда уже не было в живых, но оказалось, что Афанасия прислала сестре несколько моих фотографий, дочь Стюры была уверена, что у Афанасии так же, как у ее матери, родилась девочка. Ни о каком Игоре никто никогда не упоминал!

Сергей Петрович сложил руки на груди.

– Некоторые семейные тайны люди предпочитают не разглашать. Я, например, рос в замечательной семье: папа, мама, дяди, тети, бабушка, дедушка. До тридцати пяти лет был абсолютно уверен: мои родители встретились в студенческие

³ См. книгу Дарьи Донцовой «Бассейн с крокодилами», издательство «Эксмо».

годы, шли вместе по жизни с самого начала. Их брак – образец для окружающих. Но когда умерла мать, на ее похороны явилось несколько незнакомых мужчин, и отец сказал: «Это первый муж Люсеньки и его братья».

Я чуть дара речи не лишился, когда выяснил, что у мамы до отца был еще один супруг. Никто никогда даже после того, как я вырос и женился, ни намеком не упоминал при мне о маминой ошибке молодости, не хотели подавать ребенку дурной пример. Наверное, ваша бабушка преследовала те же цели, скрыв от внучки свой первый брак. Что же касается ваших родителей... Да вы читайте дальше!

Я углубилась в чтение и сделала ряд шокирующих открытий. Игорь Семенович был трижды женат, в последний раз на Анне Львовне Корольковой, у них родилась дочь Даша. Незадолго до появления ребенка супругов арестовали. Игорь умер в тюрьме, не дождавшись суда, Анну определили на лечение в психиатрическую больницу. Новорожденную отдали бабушке, Афанасии Константиновне.

– То есть как умер в тюрьме? – оторопело спросила я. – Значит, я Игоревна? Отчего в метрике указаны другие имена? Что вообще произошло?

Водоносов вытащил из портфеля новую папку, на этот раз более пухлую.

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, – сказал он. – Вы пока внимательно изучите материалы, а я пойду на кухню, посмотрю телевизор.

– Что это? – прошептала я.

– Скелеты из шкафа, – серьезно ответил Сергей Петрович и ушел.

Я открыла серую картонную обложку. Мне понадобилось около часа, чтобы прочитать ксерокопии документов, и еще столько же, дабы осознать смысл прочитанного и прийти в себя.

Афанасия Константиновна работала стоматологом, ее муж, Михаил Андреевич, гастроэнтерологом в клинике МВД.

Михаил был тихим человеком, находившимся под каблуком у властной, много зарабатывающей жены. Афанасия Константиновна могла бы считаться идеальной супругой, она прекрасно готовила, поддерживала чистоту в доме, приносила в семью немалый доход и уверенно руководила мужем. Но, увы, у безупречной хозяйки были две страсти. Она обожала играть в карты, могла за один вечер спустить все накопления, а еще Фася души не чаяла в любимом сыне Игоре, баловала его безмерно, постоянно защищала мальчика от учителей, осторожно говоривших матери:

– Игорь очень ленив, и он не знает слова «нельзя».

Михаил Андреевич хорошо относился к Игорю, никогда его не наказывал, наверное, не хотел скандалов с женой.

Трудно понять, почему Михаил смирился с женой-игроманкой, вероятно, он очень любил ее и обладал покладистым характером. С другой стороны, Афанасия не всегда проиг-

рывала, подчас она укладывала соперников на лопатки и возвращалась домой с огромной суммой денег.

Игорь пару раз оставался на второй год, получить аттестат ему удалось только в девятнадцать лет. Из школы его не выгнали по вполне понятной причине: у педагогов есть зубы, а Афанасия классно ставила коронки и всегда применяла заморозку. Она даже ухитрилась организовать сыночку белый билет и пристроить недоросля в институт, где готовили художников и их будущих критиков. Игорю было без разницы, где учиться, о работе он не думал, ничем особенно не интересовался, но очень хорошо рисовал, и Афанасия решила, что искусствовед совсем не плохая творческая профессия со свободным графиком службы, как раз то, что требуется ее мальчику.

Кое-кто из преподавателей вуза получил шикарные бюгели, и Игорь поступил в институт. И педагоги, и студенты считали Гарика милейшим парнем. Он был душой всех компаний и звездой вечеринок. У кого были самые редкие пластинки и великолепные шмотки? У Игоря. Кто всегда угощал приятелей в институтской столовой? Гарик. Кто носил шикарные часы и летал в Сочи даже на зимние каникулы? Ясное дело, студент Васильев. К чести Игоря надо отметить, что он никогда не кичился своим материальным положением и не был снобом. Если в общегитии затевалась пирушка, Васильев всегда притаскивал голодным сокурсникам разной еды и выпивки, он никогда не отказывался дать в долг и ча-

стенку забывал забрать деньги назад. Мало кто из его многочисленных друзей задумывался над тем, откуда у юноши столько свободных средств. Если же кому-то в голову и приходил подобный вопрос, ответ на него находился легко: мама-стоматолог щедрой рукой наполняет кошелек единственного дитятки. А на кого еще ей тратить заработанное?

В творческих вузах, как правило, царит веселая атмосфера, будущие актеры, художники, журналисты любят выпить, и еще здесь очень ценится талант. Над тем, кого при рождении ангел не поцеловал в лоб, посмеиваются или тихо его презирают. Где-то на третьем курсе приятели Игоря разделились на два враждующих лагеря. В одном оказались будущие художники, приверженцы соцреализма, а во втором сгруппировались представители неформального искусства. Игорь ухитрялся дружить и с теми, и с другими. Более того, когда до ректора дошел слух о том, что часть студентов хочет устроить нелегальную выставку своих полотен, не имевших ничего общего с социалистическим реализмом, он вызвал к себе Игоря и попросил:

– Поговори с дураками, объясни им простую истину: ни один бунт молодежи хорошо не закончился, и мир от демонстраций не изменился. Пусть подумают о своем будущем, вспомнят о родителях и забудут о глупостях.

Самое интересное, что Игорю, учившемуся на искусствоведа, удалось убедить приятелей не высовываться, а благодарный ректор поставил в зачетке Васильева сплошные «от-

лично».

Игоря обожали девушки, им импонировала его красота, элегантность, отменные манеры, Васильев происходил из хорошей семьи, впереди его ждала престижная работа, а мать юноши явно имела немалый «золотой запас». Даже одной из вышеперечисленных причин хватило бы слабому полу, чтобы открыть охоту на Игоря, и к четвертому курсу у Васильева за плечами уже было два развода. Такое поведение не поощрялось, Игорю светила характеристика, убивавшая любую карьеру: «морально неустойчив». Но обаяние певчего дрозда Васильева распространилось и на бюро комсомола, поэтому он получил замечательную аттестацию, в которой яркими красками была расписана его политическая благонадежность и исключительная порядочность.

Афанасия устроила сына на работу в музей имени Маркова⁴, который имел статус научно-исследовательского института.

Через некоторое время весь коллектив влюбился в Васильева, и это было вполне объяснимо. Подавляющее большинство сотрудников составляли женщины, Игорек оказался в настоящем малиннике, но парень вел себя очень осторожно, ни с кем интимных отношений не заводил и получил кличку Милый Котик.

Спустя год Милый Котик женился на неприметной внешне, но очень умной Ане Корольковой. Сначала музейные ба-

⁴ Название придумано автором, любые совпадения случайны.

бы опешили, потом стали шептать по углам.

— Ну и ну! Что он в ней нашел? Жуткая образина, страшнее атомной войны! — говорили одни.

— Игорь балбес, до сих пор ничего для диссертации не сделал, Аня ему враз ее напишет, — сплетничали другие.

— Надоело его матери домработнице платить, — злобствовали третьи. — Анька тихая, будет у них хозяйство вести.

— Он с ней скоро расплется, — надеялись четвертые.

Но, несмотря на все пророчества, Королькова и Васильев казались любящей парой, хотя они мало подходили друг другу. Балбес, лентяй и весельчак Игорь совершенно не монтировался с крайне серьезной, очень тихой и умной Анечкой. После бракосочетания парень не изменил своих привычек, за рабочий день он успевал отпустить сто комплиментов разным дамам, угостить сотрудниц пирожными и обсудить с коллегами-мужчинами результат футбольного матча. Но домой они с Аней уходили вместе, а поскольку Королькова была трудоголиком, пара частенько задерживалась в музее до полуночи.

Анечка защитила кандидатскую диссертацию, получила должность старшего научного сотрудника и забеременела.

Весть о том, что Королькова ждет ребенка, не обрадовала музейное начальство. Анечка свободно владела английским и французским языками. Остальные сотрудники музея, включая ученого-секретаря и директора, с грехом пополам изъяснялись на «московском англише», поэтому Королько-

ва всегда сопровождала руководство во всех загранкомандировках. Серьезную молодую женщину знали и уважали во многих музеях мира. Представляете, каким шоком для коллег стало известие о том, что Игорь и Аня арестованы за хищение экспонатов из хранилища музея?

– Это ошибка, – твердо заявила директриса Нинель Стефановна и, надев все свои фронтовые награды, отправилась в прокуратуру.

Вернулась она тише воды ниже травы и заперлась в кабинете. Сотрудники пошущукались под дверью, но потом-таки решились войти и застали Нинель Стефановну в слезах.

– Мерзавцы, ах, какие негодяи, – заламывала руки директриса, – таскали вещи из фонда.

Тут следует сказать, что в залах музея выставляют лишь часть раритетов, отсутствие площади и персонала не позволяет продемонстрировать посетителям все собрания. Большое количество дорогих и ценных экспонатов содержится в запасниках. Порой музейщики не знают, что там хранится. В музее непременно найдутся, образно говоря, темный закоулок или сундук, где ждут своего исследователя уникальные экземпляры. Нечестный сотрудник всегда сумеет погреть руки в запасниках, кражи случались и в Эрмитаже, и в Лувре, и вообще везде. Аня и Игорь похитили много ценного. Как же им это удалось?

Тихая работающая Королькова ни у кого подозрений не вызывала, а балагур Милый Котик skorешился со всеми охран-

никами. Васильева они считали своим в доску, почти все милиционеры, дежурившие у дверей, лечили у Афанасии зубы. Ясное дело, никто не проверял у супругов сумки, когда они около полуночи покидали работу.

Не существовало у воров и проблемы со сбытом краденого, у Ани благодаря общению с иностранцами имелись обширные связи в мире западных коллекционеров.

Меньше всего и музейщикам, и чиновникам из Министерства культуры хотелось поднимать шум, поэтому они решили замолчать случившееся. Нинель Стефановна собрала коллектив и попросила всех не болтать языком. В доме у Афанасии Константиновны произвели обыск, но ничего не нашли. Стоматолог хранила заработанное на сберкнижке, ни о каких предметах искусства она не слышала, весть о том, чем промышляли сын с невесткой, словно топор упала ей на шею.

Михаил Андреевич, пользуясь своими знакомствами, стал хлопотать об Игоре и Ане, но ему дали понять, что дело слишком серьезное, за ним следят с самого верха и лучше не вмешиваться в ход событий.

Афанасия слегла с сердечным приступом, Михаил приехал к ней в больницу и попытался ее утешить.

– Самое ужасное уже случилось, худшее позади, – сказал он. – Судебное заседание будет закрытым, ребятам дадут срок, но потом-то выпустят!

– А ребенок? – простонала супруга. – Аня беременна.

– Эту проблему я беру на себя, – оптимистично пообещал Михаил Андреевич. – Мне не удалось добиться послабления для детей, но внука нам отдадут.

– Только бы в детдом не отправили, – прошептала Афанасия.

– Не беспокойся, – заверил муж, – и помни, самое страшное уже свершилось.

Как же Михаил Андреевич ошибался! На следующий день после этого разговора Афанасию, несмотря на ее болезнь, вызвал следователь Владимир Олегович Панин и хмуро сообщил:

– Ваш сын покончил с собой.

– Не может быть! – не поверила мать. – Игорь не способен на суицид!

Панин протянул Афанасии мятый клочок бумаги. «Мы не виноваты. Нас заставили. Вы нас расстреляете, но ценностей не найдете. Перед смертью не врут. Мне уже все равно. Отпустите Аню. Заказчик не иностранец. Он наш. Я не могу назвать его имя. Боюсь, что не сумею сохранить тайну, и тогда уничтожат всю нашу семью. Ухожу из жизни, чтобы он знал: я не раскрыл рта. Отпустите Аню. Помолитесь за меня. Аминь».

– Это подделка! – закричала Афанасия.

– Почерк не Игоря? – спросил следователь.

– Его, – кивнула мать.

– Наша экспертиза тоже подтвердила подлинность почер-

ка, – заявил Владимир Олегович.

– Не верю! Его убили! – не успокаивалась Афанасия.

– Мы не нашли ничего из пропавшего, – нахмурился следователь, – не вернули ни одного экспоната, каждый из которых стоит таких денег, что и произнести страшно. Я подозревал, что Игорь лишь исполнитель, им с Анной доставались крохи, остальной барыш уходил другим людям. И неизвестно кому! Ваш сын являлся единственной ниточкой в туго скрученном клубке. Разумно ли в данных обстоятельствах нам лишать его жизни?

– Нет, – признала Афанасия.

– Игорь мог пойти на сделку, – сказал следователь, – за помощь органам получил бы предельно короткий срок, провел бы его на зоне под Москвой.

– Вы сами уверены, что моего сына насильно лишили жизни, – ахнула мать.

– Это невозможно, – отрезал следователь. – Я убежден в другом, Игоря кто-то напугал до такой степени, что он предпочел повеситься и тем самым спасти свою семью. Он понял, что, если откроет имя заказчика, плохо придется всем. Я дам вам свидание с невесткой.

– Зачем? – испугалась Афанасия.

– Попробуйте убедить Анну рассказать всю известную ей информацию, – вздохнул Панин. – Она избрала тактику молчания, не отвечает ни на один вопрос. Объясните ей: чистосердечное признание гарантирует девушке жизнь и относи-

тельно малый срок.

Глава 5

Встреча с Аней окончательно выбила Афанасию из колеи. Невестка, всегда приветливая и улыбчивая, сидела на привинченном к полу стуле с отсутствующим выражением лица. Она не поздоровалась со свекровью, не повернула в ее сторону головы, не кивнула, вообще никак не отреагировала на ее появление. Афанасия испробовала все известные ей слова убеждения, но Аня сидела как истукан.

– О ребенке подумай, – взмолилась свекровь. – Если сможешь следствию, тебе дадут маленький срок, отсидишь пару лет, вернешься к нам, будешь сама малыша воспитывать. В противном случае тебя накажут очень строго, всю молодость за решеткой проведешь!

Через четверть часа у Афанасии возникло ощущение, что она общается с чучелом из ваты. Ну не способен живой человек замереть на стуле с абсолютно прямой спиной и провести в такой позе, почти не моргая, долгое время.

Следователь хотел во что бы то ни стало растормошить Анну, за арестованной вели постоянное наблюдение, к ней в камеру подсадили «утку», подследственную, которая согласилась стучать на подругу по несчастью. Преступница тоже была беременна, звали ее Светлана Барабас. За что Света очутилась за решеткой, осталось для меня тайной, но, учитывая тот факт, что ею занимались сотрудники комитета гос-

безопасности, Барабас была не обычной уголовницей.

Две молодые женщины, беременные на последнем месяце, должны были, по мнению следователей, подружиться. Светлане предстояло выудить из Ани как можно больше информации, а главное, получить ответы на основные вопросы: где еще не реализованные ценности и кто заказчик? Но расчет не оправдался, Королькова не вступила в контакт с Барабас, Светлана, которой, очевидно, пообещали скостить срок, старалась изо всех сил, но Аня не шла на сближение. Рожали женщины одновременно, и на свет появились две девочки. Дочь Барабас умерла, а ребенок Корольковой радовал мать своим здоровым видом.

Даже когда стало ясно, что вместе с младенцем погибла и Света, Аня не сказала ни слова. Королькова вела себя так, словно она находилась в палате одна. Это не было демонстрацией, Аня просто не замечала Барабас, так человек реагирует на муху. Хотя сравнение не совсем точное, насекомое своим жужжанием способно разозлить, Анечка же воспринимала коллегу по несчастью как пустое место. Кончина Светланы никак не подействовала на Королькову.

С новорожденной мать не сюсюкала, она молча кормила дочь, не улыбалась, не тетешкала девочку.

Спустя некоторое время Аню перевели в психиатрическую клинику на принудительное лечение.

Суд над похитителями музейных экспонатов не состоялся. Игорь покончил с собой, формально он умер незапятнан-

ным человеком, Анечку, как сумасшедшую, призвать к ответу было невозможно.

Внучку отдали Афанасии Константиновне. Чтобы избежать девочку от неприятностей и избежать огласки, дедушка с бабушкой поменяли квартиру, переезжали они несколько раз и в конце концов очутились в коммуналке на улице Кирова. Ребенку раздобыли новую метрику, куда вписали мифических Елену Ивановну и Ивана Петровича. Вероятно, эти люди существовали на свете, но они не имели никакого отношения к маленькой Даше.

– Прочитала? – заглянул в комнату Сергей Петрович. – Забавно?

– Не совсем подходящее слово, – прошептала я. – Значит, моя память таки сохранила встречу с родной матерью. Та женщина в сером халате, в пустой комнате... Меня приводили в психиатрическую клинику!

– Да, – подтвердил Водоносков, – снимок, который я показал в начале нашей встречи, был сделан охраной в тот момент, когда Афанасия с ребенком миновала центральный вход лечебницы.

– Не знала, что в лохматые года были технические возможности для видеонаблюдения, – очнулась я.

– Имелись разные возможности, – сказал Водоносков, – но, конечно, они несравнимы с сегодняшними. Это просто фото, а не видеозапись. Преступникам в те годы было проще, камеры в СИЗО прослушивались, но не просматривались.

– Как же бабуля ухитрилась пробраться на строго охраняемую территорию? Зачем потащила внучку в сумасшедший дом? Это противоречит всякой логике, Афанасия рассказывала ребенку сказку о родителях-альпинистах, неразумно показывать девочке родную мать, – удивилась я.

Водоносов поднял руки.

– Спокойно. Старуха выполняла условие сделки.

– Какой?

Сергей Петрович сел в кресло.

– «Дети за родителей не отвечают», – так говорили в советские времена. Но на самом деле судьба малыша, чьи мать и отец оказывались за решеткой, да еще в КГБ, была крайне незавидна. Впереди крошку ждали детдом и клеймо «сын убийцы» или «дочь предателя», не важно, какой ярлык навешивали на ребенка, главное, что потом он практически не мог получить высшего образования, устроиться на престижную работу, поехать за границу и получить приличную квартиру. Афанасия Константиновна и Михаил Андреевич великолепно это понимали, потому и договорились с комитетчиками. Девочка получала новые документы и оставалась у деда с бабкой, взамен Афанасия согласилась навещать невестку, не из любви к Анне, а с целью разузнать, где спрятаны ценности. Несмотря на то что врачи официально признали Королькову безумной, у следователя Панина были сомнения в правильности диагноза. Афанасия регулярно приходила к невестке, но та никак не реагировала на свекровь. И тогда

Панин велел привести к Ане дочь.

– Бабушка согласилась на такой шаг? – возмутилась я.

– А куда ей было деваться, – пожал плечами Сергей Петрович. – Ты была мала, Афанасия надеялась, что ребенок скоро забудет о встрече. Думаю, она очень хотела добиться от Ани откровенности, покажи невестка тайник, бабушку с внучкой оставили бы в покое. Но ничего не вышло, Королева даже не приблизилась к дочери, не проявила никакого интереса к малышке. И тогда Панин сдался, оставил Анну в покое, но за Афанасией и Дашей приглядывал до своей смерти.

– За нами следили? – поразилась я.

– Хвост не ходил, и топтун у подъезда не маячил, – улыбнулся Сергей Петрович, – но если бы Афанасия вдруг сделала крупную покупку, приобрела, например, дачу, машину, нужные люди мигом бы узнали о невесте откуда взявшихся у стоматолога деньгах.

Я ринулась в бой:

– Следователь надеялся, что Игорь еще до ареста рассказал матери о тайнике? Вы не знали Афанасию Константинову! Бабушка отличалась необыкновенной честностью, она была не из тех людей, кто продает краденое.

Сергей Петрович пожал плечами:

– Вором может стать любой, исключений нет, вопрос лишь в размере добычи. Один стащит сто рублей, а другой дрогнет только при виде миллионов.

– Глупости! – возмутилась я.

Водоносов потер затылок:

– Знаете, в какую сумму оценивается украденное вашими родителями?

– Нет, – сердито ответила я.

– На сегодняшний день примерно в сто миллионов долларов.

Я уставилась на Сергея Петровича.

– Сколько?!

– Вы не ослышались, – подтвердил Водоносов, – сто миллионов. Баксов.

– Ничего себе!

– Большой куш, – согласился Сергей Петрович. – Кое-кто пойдет на все, чтобы завладеть этими раритетами.

– Ценности небось давно проданы, они разбрелись по разным музеям и коллекционерам, – пролепетала я.

Водоносов со вкусом чихнул:

– Нет. Вещи где-то спрятаны! Хотя, когда твоя семья, приехав из Франции, внезапно построила особняк и стала жить на широкую ногу...

Кровь бросилась мне в лицо, я встала:

– Хватит. О том, что совершили незнакомые мне Игорь и Анна, я узнала сегодня от вас. Да, я подозревала, что бабушка скрывает некую семейную тайну, но не предполагала, что именно. Ни о каких музейных экспонатах я ничего не знаю. Советую вам проконсультироваться с банком, где на-

ша семья абсолютно открыто держит свои средства, и внимательно изучить финансовые документы, тогда вы поймете, что неожиданное обогащение семьи Васильевых-Воронцовых связано с получением наследства барона Макмайера, который был женат на моей подруге Наташе⁵. А теперь до свидания.

– Тише, – поморщился Водоносков. – Экая, право, спичка. Никто не выдвигает против вас обвинений.

– Мне показалось иначе, – уперлась я. – И вообще, какой смысл в этой беседе? Я не имею никакого отношения к произошедшему!

– Вот здорово, – хлопнул себя по бокам Сергей Петрович. – Это же ваши родители!

– Почему я должна вам верить? – обозлилась я. – Бабушка говорила иное, в метрике указаны Елена Ивановна и Иван Петрович.

– Документы! – Водоносков ткнул пальцем в папку.

– При современных технологиях можно состряпать любую бумагу, я видела в одном журнале фотографию, где Ленин обнимает Юрия Гагарина! Зачем вы меня позвали? – спросила я.

– Неужели вам неинтересно узнать правду о ближайших родственниках? – округлил глаза Водоносков.

– А по какой причине вы не сообщили мне о них раньше?

⁵ Подробно эта история рассказана в книгах Дарьи Донцовой «Крутые наследники» и «За всеми зайцами», издательство «Эксмо».

Почему говорите о случившемся именно сейчас? – я стойко держала оборону.

Водоносов опять вынул сигареты:

– Среди украденных экспонатов самыми ценными были два кубка из чистого золота с драгоценными камнями. Мало того что в них драгметалла и всяких бриллиантов полно, вещи являются исторически уникальными, они датируются не помню каким веком и являются свадебными. Из одногопил муж, из другого молодая жена. Да, извините, забыл сказать, бокальчики-то из Китая, с ними связана какая-то местная легенда, но мне это неинтересно. А вот то, что за сей набор можно получить, по самым скромным подсчетам, около двух миллионов долларов, впечатляет.

– Да уж, – согласилась я.

– Тридцать первого декабря за час до полуночи таможня задержала в Домодедово некоего Майкла Степли, он собирался вылететь домой в Америку. Наверное, Майкл рассчитывал, что в такую ночь таможенники расслабятся и не станут тщательно досматривать пассажиров. Но, несмотря на праздник, наши ребята не потеряли бдительности и обнаружили у Майкла в сумке золотой кубок. Степли совершенно спокойно отреагировал на происшествие. Сказал, что один его приятель увлекается собиранием копий произведений искусства. Узнав, что Майкл летит в Москву по делам, он попросил его зайти к ювелиру, который сделал для коллекционера дубликат раритета.

Степли просьба не показалась обременительной, он заехал по указанному адресу, получил бокал и специальную справку, подтверждающую, что изделие изготовлено недавно и не обладает исторической ценностью.

Но таможенника что-то насторожило, Майкла не впустили в самолет, золотишко убрали в сейф, вызвали эксперта, а Степли, потребовавшего позвонить в посольство, заперли в комнате с вполне комфортными условиями – с телевизором, кофемашиной и газетами. Специалист-оценщик прибыл раньше американского дипломата и с уверенностью воскликнул:

– Это подлинник, отведите меня к задержанному.

Когда таможенники и искусствовед переступили порог комнаты, Степли был мертв.

– И что с ним случилось? – перебила я Сергея Петровича.

Водоносов откинулся на спинку кресла.

– На первый взгляд ничего особенного, сердечный приступ. Никаких следов насилия, токсикология чистая. Но потом дотошный эксперт обнаружил, что в организме Степли нарушен баланс калия. Тело еще раз изучили и нашли крохотный след от укола. Мы решили, что убийца ввел Степли лекарство, которое резко повышает уровень калия в организме, что приводит к сердечному приступу...

– А калий не определяется токсикологией, потому что является естественным для организма веществом, – вмешалась я в плавный рассказ Водоносова.

– Верно, – согласился Сергей Петрович.

– Если Майкл находился в тщательно запертой комнате, да еще в той зоне аэропорта, куда строго-настрого запрещен вход посторонним, значит, преступника следует искать среди своих, – сделала я очевидный вывод.

– Точно, – согласился Водонос, – но после тщательного изучения места происшествия был обнаружен желатиновый шприц. Это...

Мне захотелось показать свою осведомленность, и я вновь перебила Водоносова:

– Нечто, похожее на капсулу, в которую помещают лекарство. Только шприц чуть больше и имеет крохотную иголку, это идеальный вариант для тех, кто вынужден постоянно делать себе уколы и не хочет привлекать внимание окружающих. Нужно просто вынуть из коробочки шприц, удалить защитный колпачок и вонзить в тело иголку. Пустую капсулу можно выбросить в корзину для бумаг. Из-за микроскопического объема она практически не заметна в мусоре. В России пока нет таких средств, но в Европе ими уже вовсю пользуются, я видела желатиновый шприц у одной знакомой в Париже.

– На капсуле обнаружены отпечатки Степли и никаких других, – продолжал Водонос. – Это было самоубийство.

– По какой причине он себя убил? – изумилась я.

Сергей Петрович развел руками:

– Справка о новоделе была фальшивой. Майкл сообщил

адрес, где якобы проживает ювелир, сделавший кубок, но там оказался продуктовый магазин. Он нам соврал.

– Это не повод, чтобы покончить с собой!

Водоносов нахмурился:

– В деле много странностей. Одна из них в самом кубке, их было два, и ценится именно пара! Единственный экземпляр тоже стоит немалых денег, но воровать имеет смысл оба бокала.

– Грабитель ошибся, – выдвинула я свою версию.

– Такие вещи крадут на заказ, – не согласился Сергей Петрович, – а знаток, который хочет получить раритет, не совершит оплошности. Почему Майкл вез один бокал?

– Может, набор разъединили для безопасности? Если одну его часть конфискуют, то есть шанс найти вторую, – предположила я.

– Вещи, которые умыкнули твои родители, ни разу не всплыли на поверхность, – пробурчал Сергей Петрович. – Их не выставляли на продажу ни в России, ни за границей, даже в смутные девяностые годы ни на одном аукционе в Америке или в Европе не обнаружилось следов тех ценностей. Я был уверен, что они здесь, в России, лежат в тайнике. И вот кубок! Значит, я не ошибся!

– Рада за вас, но при чем тут я?

Сергей Петрович склонил голову:

– Я верю в карму!

Мне стало смешно.

– А в черную кошку и тринадцатое число?

– Понимаю, это звучит странно, – серьезно сказал Водоносов, – но я абсолютно убежден: если родители совершили преступление, расплачиваться за это придется детям. На них посыпятся болезни, несчастья, неудачи. Надо исправить чужие ошибки, и снова обрешь здоровье и счастье. Отец разрушил храм? Сын должен построить церковь!

Я ощутила давящую усталость.

– Что ты от меня хочешь? Говори прямо!

– Мы плавно перешли на «ты», – улыбнулся Водоносов, – это хороший признак.

– Я жду ответа!

– Экспонаты по сию пору лежат в тайнике.

– Я уже поняла.

– О его местонахождении знали лишь два человека: Игорь и Анна. Поговори с матерью, вероятно, она откроет дочери тайну. Столько лет прошло, думаю, Корольковой захочется наградить тебя за годы сиротства, – выдал Сергей.

Я оторопела, но потом ядовито сказала:

– Даже если твое ведомство может организовать мне командировку на тот свет, я не соглашусь отправиться в такое путешествие. Приходи с этим предложением лет через сто накануне моих похорон, вот тогда я попытаюсь выполнить твою просьбу, отыщу в райских садах Игоря с Анной и задам им ряд вопросов!

– С Корольковой можно пообщаться сегодня, – хмыкнул

Водоносов, – она жива и, надеюсь, поймет, что лучше открыть секрет дочери. Не потащит же она с собой ценности в могилу.

Глава 6

– Жива? – переспросила я.

– Да, – кивнул Водоносков.

– Мама?

– Верно.

На меня напал судорожный кашель, Водоносков сгонял на кухню и принес полный стакан воды.

– Выпей, – заботливо предложил он.

Я послушно сделала пару глотков и зашипела:

– Почему ты сразу не сказал основную новость? Приберег сообщение под занавес?

Сергей отвел глаза.

– Я решил сначала ввести тебя в курс дела.

– Где живет Анна?

– Так ты к ней поедешь?

– Да, – заорала я, – прямо сейчас! Назови улицу, номер дома, квартиру. Она замужем? Дети есть?

Водоносков вытащил из портфеля листок.

– Тут все данные. Меня интересует только тайник! Кстати, сегодня за кражу ее никто не посадит!

– Анна здорова? – спросила я.

– Из психлечебницы она давно вышла, – ответил Сергей.

– И ни разу мне не позвонила, – протянула я.

– Не хотела портить дочери биографию.

– А после перестройки? – возмутилась я.

– Вот и задай ей этот вопрос, – быстро сказал Сергей. – Наверное, у Корольковой были свои причины не видеть тебя.

В обморочном состоянии я вышла во двор и села в машину, было от чего лишиться чувств. Мои родители, оказывается, воры! А я предполагала, что отец просто бросил маму, и та попала в психушку. Кстати, насчет клиники я не ошиблась, мать провела в сумасшедшем доме не один год! Значит, я Игоревна? Мой дедушка – не мой дедушка, он отчим папы и второй муж Афанасии. Елена Ивановна и Иван Петрович Васильевы фантомы. Что еще скрыла от меня Афанасия? И как я покажусь на глаза Анне Корольковой, кстати, если верить бумажке, которую всучил мне Водоносов, моя мать еще не совсем древняя старуха.

Я повернула ключ в зажигании и медленно выехала на проспект. Что я скажу Корольковой при встрече?

– Здравствуйте, меня зовут Даша. Я ваша дочь.

Интересно, как она отреагирует на это? Захлопнет дверь? Бросится меня обнимать? Или потребует метрику.

Как будет развиваться наш разговор дальше? Мне напрямик спросить:

– Где тайник? Верни украденное, нехорошо воровать экспонаты из музея!

Глупее и не придумать. И у меня нет никаких бумаг, доказывающих, что я родная дочь Корольковой. Хотя можно по-

казать ей фото Афанасии! Надо сейчас зарулить в Ложкино и прихватить снимок. Надеюсь, Анна вспомнит свою свекровь. Черт возьми, я не могу назвать Королькову мамой! С другой стороны, разве она может на это претендовать? Сколько раз, когда меня обижали разные люди, мне в голову приходила горькая мысль: «Эх, будь рядом со мной мама и папа, наверное, они пожалели бы доченьку. Ну почему мне приходится всего добиваться самой? Отчего нет никаких близких родственников, кроме бабушки?» Конечно, я никогда не показывала ни отчаянья, ни боли, всегда старалась улыбаться, но порой мне становилось очень горько.

На глаза навернулись слезы, руки затряслись, я с трудом припарковалась у тротуара. В памяти неожиданно ожили давние обиды.

Андрей Малеев, которого я любила со всей страстью первокурсницы, после бурного трехмесячного романа меня бросил. На прощание он сказал:

– Ты хорошая, но мать против наших отношений.

– Почему? – пролепетала я.

– Мы не пара, – серьезно ответил Малеев. – Мой отец занимает высокий пост, мать работает в министерстве, а дед генерал. Наша семья приличная, а ты сирота с неизвестным прошлым. Что ты знаешь о своих родителях?

– Они погибли в горах, – прошептала я, – увлекались альпинизмом.

Малеев хмыкнул:

– Мама думает, что твои предки загнулись от пьянства. Можешь доказать обратное?

Я пережила предательство любимого и даже сделала вид, что сама послала Андрея по известному адресу, но с тех пор решила никогда никому не говорить о своем сиротстве.

А на работе? Пять лет Даша Васильева ждала ставки старшего преподавателя, а когда вакансия наконец появилась, на нее оформили Нину Терентьеву, двадцатидвухлетнюю пигалицу, только-только получившую диплом. Я возмутилась и задала завкафедрой вопрос:

– Почему она, а не я?

– Так решил ректор, – попыталась увильнуть от ответа дама, но я загнала ее в угол и услышала горькую правду:

– У Нины отец заведует отделом в НИИ, где работает сын ректора.

И подобных оплеух жизнь мне отвешивала много! Ладно, я выбивалась в люди сама, набила многочисленные шишки, но в конце концов стала на ноги и сейчас не только материально благополучна, но и счастлива. Не все родители могут помочь детям сделать карьеру и ссудить их деньгами. Но я была лишена возможности пожаловаться маме, уткнуться в ее плечо, рассказать о своих проблемах, желаниях, надеждах и мечтах. Около меня не было близкого по духу человека! Бабуля очень любила внучку, но мне не хватало родителей, в первую очередь мамы! И пусть вам это не кажется странным, но знание, что мать умерла, меня успокаивало. Да, я

понимала: она не придет, потому что с того света не возвращаются. А если человека нет, то на его помощь не надеешься и можешь придумать любой, самый лучший образ матери.

Но она оказалась жива! Ходит по тем же улицам, что и я, вероятно, мы сталкивались в метро или в магазинах и расходились в разные стороны, не зная, что являемся самыми близкими людьми на свете. Почему она так со мной поступила? За что?

Я стукнула кулаком по рулю и тут же услышала писк телефона.

– Эй, ты реवेशь? – спросил Пузииков.

– В моей машине установлена видеокамера? – огрызнулась я.

– Нет, – растерялся Фима, – просто голос такой... странный... Что случилось?

Я хотела привычно ответить:

«Все супер», – но тут в груди словно что-то лопнуло.

Воздух со свистом вырвался из горла, потом полились слова, впервые в жизни со мной приключилась истерика. Слава богу, длилось это не так уж долго, минут через пять я опомнилась, вытерла лицо рукавом и прошептала:

– Извини.

– Ерунда, – ответил Фима, – перестань размазывать рукавом сопли по морде.

– Откуда ты знаешь, что я делаю?

– У тебя никогда нет в сумке носового платка, – ответил

Ефим.

– Верно, – слабо улыбнулась я, – постоянно забываю положить в бардачок упаковку.

– Это ерунда, – воскликнул Пузиков, – ты ведь знакома с Алиной Карякиной?

– Естественно, – подтвердила я.

– Алинка посмотрела фильм про то, как одна американка сгорела при автомобильной аварии, потому что не смогла открыть дверь машины и разбить лобовое стекло.

Я шмыгнула носом.

– Печально.

– Вот-вот, – сказал Фима, – Карякина решила, что с ней подобное произойти не должно, и теперь всегда возит с собой молоток. Если ее заклинит в салоне, Алина живо долбанет по стеклу и вылезет наружу.

– Предусмотрительно, – одобрила я.

– погоди, ты не дослушала. Молоток Карякина держит в багажнике.

Мне стало смешно.

– Интересно, каким образом она собирается при аварии достать инструмент?

– Женская логика, – заржал Ефим, – главное, что кувалда есть, а как ее в нужный момент вытащить, уже неинтересно! Хочешь мой совет?

– Ну?

– Выпей кофе, приведи себя в порядок, поезжай в мага-

зин и накупи барахла. Шопинг-терапия лучшее средство от стресса.

– Я собралась к Корольковой!

– Лучше поезжай завтра!

– Нет! Сейчас!

– Ты не в форме.

– Я уже спокойна.

– А то я не слышу твой дрожащий голос.

– Глупости!

– Ярость и обида плохие помощники при непростом разговоре, – заметил Фима.

– С чего ты взял, что я гневаюсь?

Ефим протяжно вздохнул:

– Представил себя на твоём месте и испытал весьма негативные эмоции. Езжай, развейся!

– Наверное, ты прав, – согласилась я. – Почему-то я чувствую себя невероятно усталой, словно таскала на плечах бетонные блоки.

– Стресс, – повторил Фима, – в кровь поступает адреналин, он начинает будоражить человека, и происходит сосудистый спазм. Я был не прав, лучше не пей кофе, а тяпни коньячку.

– За рулем?

– Ладно, я мальчик-идиот, выпей валерьянки.

– Лучше поеду в книжный за детективами, а потом на «Горбушку» за сериалами.

– Отличная идея, – обрадовался Пузиков, – накупи фильмов про пиф-паф и наслаждайся. Хочешь еще совет?

– Давай, – разрешила я.

– Не рассказывай пока домашним про Анну, не стоит!

– Предлагаешь скрыть от них информацию о внезапно обнаруженной матери?

Фима откашлялся.

– Королькова обвинялась в воровстве.

– Сто лет назад.

– Сумма ущерба, нанесенного твоими родителями государству, огромна!

– И что? Я не участвовала в ограблении.

– Аркадий адвокат, Дегтярев полковник милиции, у них на работе могут появиться проблемы. Клиенты не станут обращаться к законнику, чьи родственники совершили преступление, а Александр Михайлович вынужден будет доложить о произошедшем начальству, таков порядок.

Я молчала.

– Получается, ты обманывала всех, указывая в анкетах, что родители скончались.

– Так ведь я не знала правду!

– И кто тебе поверит? Лучше пока держать язык за зубами, – предостерег Фима, – завтра съездишь к матери, попробуешь с ней поговорить. Вероятно, она тебя выгонит. А может, Королькова в маразме. У нее есть дети?

– Дочь Марина, – сухо ответила я, – моя сводная сестра.

– Предполагаю, эта Марина не испытает эйфории при виде Дашутки, – заявил Фима. – Небось она считает себя единственной наследницей матери. А тут, бац, еще одна доченька! Делиться придется.

– Мне не нужны их материальные блага!

– Но сестричке это неизвестно! – перебил Пузиков. – Лучше отдохни, успокойся, завтра побеседуешь с ними, и тебе станет ясно: нужно ли своих домашних напрягать.

– Ладно, – согласилась я.

– И последнее. – Пузиков упорно не желал отсоединяться. – Бедным родственникам, внезапно возникшим из небытия, никто не рад. Ты оденься поприличнее, не в джинсы, прихвати торт, конфеты подороже. А то они решат, что ты хочешь им на шею сесть.

Я молча нажала на отбой, сил слушать поучения Фимы больше не было, хотя кое в чем он безусловно прав: не следует пороть горячку.

Глава 7

Приехав на «Горбушку», я подошла к одному из ларьков и спросила:

– Чего хорошее есть?

– Сериал «Дети любви», – зевнул продавец, на бейджике которого было написано «Костя», – все пять сезонов.⁶

– Детектив? – оживилась я.

– Не, романтическая драма.

– Фу! Хочу криминальное кино, – воскликнула я.

Парень порылся на стенде и бросил на прилавок пару коробок.

– Во! «Череп».

– А это о чем?

Торговец почесал бритую макушку.

– Американские криминалисты ищут маньяков, вскрывают трупы, изучают их. Классно!

– Ой, не надо!

– Вы ж хотели про убийства?

– Верно, но так, чтобы без трупов!

Ларечник сдвинул брови.

– Иди в третий павильон. Там Макс мультиками торгует!

– Издеваетесь?

⁶ Все названия фильмов выдуманы автором, совпадения случайны.

– Неа, ты первая начала! «Дайте про убийства без трупов». Где найти такое кино?

– Не хочу смотреть репортаж из морга, – объяснила я. – Пусть кого-нибудь убьют, но тихо и не демонстрируют во весь экран окровавленное тело.

– Могу предложить советское кино про Анну Каренину, – оживился парень, – прямо для вас! Бабу убили! И ничего не показали! Один паровоз во весь экран!

Внезапно плохое настроение меня покинуло.

– Спасибо, про Анну Каренину не надо.

– А зря, – соблазнял покупательницу продавец, – лента на любой вкус! Там и любовь, и смерть, и скачки. Правда, не из современной жизни, про тысяча пятьсот тридцать седьмой год!

– Каренина бросилась под паровоз! – напомнила я.

– Ну? Вот и труп!

– В шестнадцатом веке никто про железную дорогу не знал, – я ввела его в курс дела. – Фильм снят по книге Льва Николаевича Толстого.

– Ага, – кивнул продавец, – его жена на телике программу ведет! У них там все родственники, баба в студии, мужик кинушки снимает, а ихние дети в сериале играют. Мафия!

Я потрясла головой.

– Чья жена телеведущая?

– Ну... эта... – защелкал пальцами «киновед», – забыл... имя странное! От нее еще тараканы убежали!

Я на всякий случай попятилась от прилавка, но любопытство всегда было сильнее меня, поэтому я решила уточнить, о ком говорит продавец.

– От кого сбежали тараканы?

Парень скорчил страдальческую гримасу.

– Она не умывалась... ну... из маминой спальни выходит типа кран...

– Мойдодыр! – озарило меня.

– О! – обрадовался собеседник. – В точку.

– И какое отношение он имеет к Анне Карениной? – обалдела я.

– Так у жены имя, как у той, с тараканами, – заулыбался Костя, – ща, из головы вылетело. У меня сынишка, ему жена недавно вслух читала!

– Анну Каренину? – изумилась я. – Маленькому ребенку? Конечно, нужно приучать отпрыска к классической литературе, но роман о даме, изменившей своему мужу, не лучший выбор для ребенка. И, простите, вы запомнили, как зовут вашу супругу?

– Я че, идиот? – нахмурился Костя. – Наташка! За фигом вам про нее знать?

– Сами сказали «имя у жены заковыристое», – я попыталась превратить идиотскую беседу в разговор разумных людей.

– Так я не о Натке балакал, – засмеялся продавец, – во, про него! Мужик, Лев Толстой, снял кинушку, дюдик с любовью,

а его жена на телевидении светится! Имя у бабы, как у стиха про тараканов! А моя Наташка Мишке читала! Понятно?

Я откашлялась.

– Супругу Льва Николаевича Толстого звали Софья Андреевна, она, на мой взгляд, была очень несчастлива в семейной жизни, граф вел себя некрасиво по отношению к ней. Но госпожа Толстая скончалась задолго до изобретения телевизора!

– Она померла, а он второй раз женился на молоденькой, – не сдался Костя, – обычное дело.

– Писатель Лев Толстой умер в тысяча девятьсот десятом году.

– Этта вы путаете, – отрезал продавец, – я сам видел его бабу! Ниче, хорошенькая! Черт! Ну и имя у нее! Про посуду!

– Про посуду? – в полнейшем недоумении повторила я. – Телеведущую зовут, как кухонную утварь?

– Ага, – кивнул парень.

– Сковородка?

– Неа.

– Кастрюля?

– Да вы че!

– Вилка? Хлебопечка? Плита? – тупо перечисляла я.

– Ну, е-мое, – Костя хлопнул рукой по прилавку, – знаете вы расчудесно и девку, и книжку! Просто забыли! От нее все ушли... по полям, по лугам.

– Федорино горе! – воскликнула я.

– Федора! – подпрыгнул Костя. – Вау! Точно!

– Детские стихи про плохую хозяйку написал Корней Иванович Чуковский, – менторски произнесла я. – Он не имеет никакого отношения к Льву Николаевичу Толстому!

– Вы вообще без понятия, – заявил Костя, – Федорой зовут телеведущую, которая жена Толстого. Ясно?

Я оперлась о прилавок:

– Не Федора, а Фекла, Фекла Толстая, очень симпатичная и умная девушка, она хорошо образована и прочитала горы книг. Вот только супругой Льва Николаевича Фекла никогда не была.

– Как же она на телик попала? – хитро прищурился Костя. – Туда только своих берут.

– А писательница Татьяна Толстая, которая тоже работает в «Останкино»? – засмеялась я. – По-вашему, и она жена нашего классика? Толстых в русской литературе было много. Несмотря на одинаковые фамилии, Фекла и Татьяна не родственницы. Первая имеет прямое отношение к Льву Толстому, а вторая к Алексею, тоже замечательному писателю.

– Они там все в родстве. Простому человеку не пролезть, – уверенно заявил Костя. – Меня, например, не приглашали на телевидение. А почему? Ясно ж, кому нужен парень с улицы. Так берете дюдик про Каренину?

– Спасибо, не надо, – отказалась я, – пойду дальше.

– Во народ, – разочарованно забубнил Костя, – сами не знают, чего хотят! Возьмите документальный фильм «Под-

валы Лубянки»⁷. Его снял журналист, которого убили за то, что он кучу тайн понараскрывал. Шоколадное кино получилось, все правда! Забирайте последний диск, недорого отдам, со скидкой.

Чтобы не разочаровывать парня, я протянула ему деньги, сунула покупку в сумку, вышла на улицу и услышала недозволенный звон мобильного.

– Дашунчик, ты где? – зачирикала Галя Мысина. – Мы с Александром Михайловичем уже приехали! Он очень нервничает, даже от ужина отказался, бедняжка!

– Если Дегтярев пропустит прием пищи, ему от этого станет только лучше, – ответила я, садясь в машину. – У нашего борца с преступностью десять лишних килограммов веса.

– При чем тут полковник? – удивилась Галка. – Ты забыла про мою просьбу?

– Нет, – возразила я, тщетно пытаюсь вспомнить, по какой причине Мысина решила посетить Ложкино, – у меня с памятью полнейший порядок. И что вы там поделяваете с Александром Михайловичем?

– Он весь на нервах, – затараторила Галка, – сначала носился по лестницам с первого этажа до мансарды: вверх-вниз и обратно. Я оторопела от его скорости, прямо в глазах зорябило!

Я чуть не врезалась во впереди идущую машину, но, слава богу, успела вовремя крутануть рулем и, краем уха слушая

⁷ Название придумано автором.

раздавшиеся недовольные гудки, спросила:

– Бегал по лестнице? Александр Михайлович?

– Ага, – подтвердила Галя, – четверть часа гонял. Наверное, от стресса.

Я опешила, полковник терпеть не может физические упражнения. В свое время мы с Машей пытались заставить его посещать спортзал, даже подарили абонемент в фитнес-клуб, но толстяк заглянул туда всего один раз. Больше всего он уважает два вида упражнений: плотный ужин и крепкий сон. Никакие рассказы о гиподинамии, необходимости движения и грозящих тучному человеку болезнях не пугают приятеля. Он, правда, периодически садится на диету и стоически выдерживает ее в промежутке между завтраком и обедом. Скакать по лестницам совершенно не в духе Дегтярева, он ходит по ступенькам медленно, осторожно, со скоростью беременного бегемота. Что происходит у нас дома?

– И где ты? – вопрошала тем временем Галка. – Далеко до Ложкина?

– Может, за час доберусь, – оптимистично пообещала я, – хотя ничего гарантировать не могу.

– Боюсь, я не смогу тебя дождаться, – огорчилась Мысина.

Я испытала радость, но постаралась скрыть ее и лицемерно воскликнула:

– Вот жалость!

На самом деле у меня не было ни малейшего желания об-

щаться с Галкой и выслушивать сплетни, которыми ей не терпелось поделиться, но неприлично же сообщать об этом Мысиной. Мы с ней явно договорились встретиться, Галка не из тех людей, которые сваливаются на голову без предупреждения. Я просто начисто забыла о запланированном приезде гостыи, и это неудивительно, учитывая мое потрясение после известия о живой матери.

— Я могу опоздать на самолет, — объясняла ничего не подозревавшая о моих мыслях подруга, — поэтому оставляю тебе Александра Михайловича и сматываюсь. Пожалуйста, посмотри за ним, бедная Нинка с ума сойдет, если любимчик захворает.

В моей голове словно включился свет. Ну конечно же! Утром Галка попросила меня пригреть на недельку некоего Александра Михайловича, тезку нашего Дегтярева, кавалера Галкиной сестры Нины. Значит, это он, а не полковник со скоростью звука носился по лестнице. Похоже, дядечка не совсем нормален, он не способен находиться один дома, Мысина побоялась отпустить сего джентльмена к нам без сопровождения, а, прибыв в гости, этот тип стал использовать лестницу в качестве тренажера. Хотя Галя упоминала о том, что Александр Михайлович спортсмен, чемпион, вероятно, он боится потерять форму и использует каждую возможность для тренировки. Ну что ж, такое поведение похвально, надеюсь, Дегтярев вдохновится его примером и тоже будет изредка шевелить лапами!

– Не обидишься, если я сейчас уеду? – спросила Мысина.

– Нет, – не подумав, ляпнула я и тут же исправила оплошность. – Жаль, конечно, что мы не пообщались, но работа важнее.

– Я тебя обожаю! – ажиотированно воскликнула Мысина. – Сейчас чаю глотну и унесусь! Ирка испекла чудо-пирог! С ягодами.

– Она отлично готовит, – я решила не выдавать домработницу, которая абсолютно не умеет печь пироги.

Откуда взялась аппетитная выпечка? Ира просто разморозила готовое изделие и ничтоже сумняшеся выдала его за собственное творение.

Я нажала на газ и... домчалась до нашего дома за пятнадцать минут. Можете мне не верить, но Кутузовский проспект, МКАД и Ново-Рижское шоссе были практически пусты. В шесть часов вечера это казалось невероятным, и я на всякий случай включила радио, вдруг в Москве приземлились инопланетяне и все автолюбители ринулись к месту их посадки. Другая причина отсутствия пробок просто не пришла мне в голову.

Не успела я войти в дом, как в холл выскочила страшно довольная Галка.

– Дашута! Ты летела ракетой! – воскликнула она.

– Невероятное везение, – не скрyla я удивления, – по дорогам ехало три с половиной автомобиля.

– Отлично! – возликовала Мысина. – Сейчас познакомлю

тебя с Александром Михайловичем. Он милашка! Душка! Очаровашка!

– Прекрасно, – кивала я, не понимая, почему наши собаки не выбежали, как обычно, в прихожую.

– Эй, эй, – закричала Галка, – Александр Михайлович! Иди сюда! Милый, поторопись!

Из столовой важно, словно авианосец, выплыл Дегтярев.

– Что случилось? – без особой радости спросил он. – Пожар? Зачем мне бежать во весь опор? Только сел попить чаю!

– Ты вернулся из командировки, – улыбнулась я, – как съездил?

– Отвратительно, – заявил полковник, – поэтому рассчитываю без эксцессов насладиться чаем вкупе со сливовым пирогом. Говорите, чего хотите, и оставьте меня в покое!

– Тебе нужен Дегтярев? – повернулась ко мне Мысина.

– Нет, – замотала я головой, – вернее, сейчас нет.

– Зачем тогда меня звали? – начал злиться полковник. – Орали: Александр Михайлович!

– Это не тебя, – засмеялась Галка.

Дегтярев покраснел.

– У нас завелся еще один Александр Михайлович?

– Точно! – подтвердила Мысина.

– Он здесь временно поживет, – быстро сказала я, – всего недельку.

Полковник закатил глаза, но удержался от комментариев, однако Мысина чутко уловила недовольство толстяка и за-

частила:

– Никаких проблем не будет. Веселый, контактный, с чувством юмора, аппетит прекрасный, он очень аккуратный, вообще без недостатков! Сейчас вас познакомлю. Эй! Александр Михайлович! Сюда! Эй, фью, фью...

Вытянув губы трубочкой, Мысина засвистела, мне стало любопытно: как выглядит мужчина, которого подзывают таким оригинальным образом?

Сверху послышался быстрый дробный топот.

– Кто это скачет на втором этаже, в библиотеке? – задрал голову полковник.

– Увидишь, – загадочно ответила Галка и заорала еще отчаянней:

– Эгей! Александр Михайлович! Живо! Пст!

Дегтярев сделал было шаг по направлению к Галке и тут же побагровел, я прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Топот переместился левее, стал приближаться, в конце концов на лестнице показалось маленькое бело-рыжее тельце, несущееся к нам со скоростью камня, выпущенного из пращи. Я попятилась и уперлась спиной в стену. Собака! Пес, размером меньше Хуча, но больше Жюли и, похоже, у него шестнадцать лап. Ни один из членов нашей стаи не способен передвигаться с такой безумной скоростью.

Внезапно собачка замерла.

– Дорогой, – пропела Галка, – иди сюда, познакомься!

Кобелек взвизгнул, подпрыгнул и кубарем скатился по

ступенькам, по дороге он задел одну из напольных ваз, украсивших лестничную площадку. Она покачнулась, шлепнулась на бок и покатилась вниз. Песик добавил скорости и очутился у ног Дегтярева. Через секунду к домашним тапкам полковника добралась ваза и рассыпалась веером осколков.

– И-и-а-а, – визгливо заорала собачка, потом присела на задние лапы и взвилась в воздух.

Я много лет общаюсь с животными и считаю себя почти ветеринаром. Конечно, оперировать под общим наркозом я никогда не возьмусь, но постричь когти, почистить уши, сделать укол, обработать рану, короче говоря, оказать первую помощь могу легко и хорошо знаю, на что способны собаки. В Ложкино часто привозят на передержку представителей самых разных пород. Был у нас спаниель, самозабвенно плавающий в пруду, алабай, без проблем спавший по несколько часов в сугробе, пудель, игравший в футбол лучше Бэкхема, но, поверьте, мне никогда в жизни не встречался пес, способный с места допрыгнуть до лица взрослого человека, облизать его, а потом, не приземляясь на пол, перелететь ко второму гомо сапиенс и повторить сладкий поцелуй.

Глава 8

– Это Александр Михайлович? – ошарашенно спросил Дегтярев, вытирая рукой щеку.

– Да, – кивнула Галка.

– Он собака? – отмерла я.

– Ну конечно, – пожалала плечами Мысина, – кто ж еще?

Действительно, я задала глупый вопрос. Ну кого, кроме безумного пса, можно назвать Александром Михайловичем? Не взрослого ведь мужчину! «Александр Михайлович» – самая распространенная кличка для четвероногих.

– Милашка, – умилилась Галка и попыталась погладить без устали скачущего песика.

– Ты вроде говорила, что он спортсмен, – съязвила я.

– Чемпион, – гордо ответила Мысина.

– По шахматам? – вырвалось у меня.

Подруга засмеялась, потом ухватила пса за хвост:

– Эй, Александр Михайлович, сядь!

Дегтярев вздрогнул.

– Куда? На пол? Тут же нет стульев.

– Я собаке говорю, – заржала Мысина.

Полковник стал медленно наливать краской.

– А можно это чудовище именовать по-другому?

– Как? – поинтересовалась Галка. – Его кличка Александр Михайлович!

– Черт побери, – не вынес полковник, – нельзя звать пса, как человека!

Галка заморгала.

– Почему?

– Это не принято! – взревел Дегтярев, шумно вздохнул и чуть тише добавил: – У кобелей не бывает отчества!

– У дворовых и тех, кто живет без документов, да. Но он! – Галка попыталась удержать отчаянно вертящееся, открытое короткой шерстью тело. – Он назван в честь Александра Македонского, отец у нашего чемпиона был Михаил Пятый Феликс Австрийский-Варшавский из Литл-Хамера на Эльбе. Следовательно, сын – Александр Михайлович Феликс Австрийский-Варшавский из Литл-Хамера на Эльбе с московским клеймом!

– Жесть, – выронил приятель.

– И в отличие от тебя, – ополчилась Мысина на несчастного полковника, – он знает своих родственников до восемнадцатого колена! А ну, немедленно отвечай, как звали твою прабабушку?

– Понятия не имею, – растерялся Дегтярев, – даже не уверен, что она у меня была!

– Здорово, – подпрыгнула Мысина и вытащила из сумки небольшую книжечку. – Это родословная песика! Читаем! Прабабушка: Элиза Эдуардовна фон Рок из замка Бец Бон в Шотландской Виргинии с киевским клеймом! Ты можешь похвастаться родственницей из Шотландской Вирги-

нии с киевским клеймом?

– Нет, – честно признался полковник.

– Вот и молчи, – фыркнула Галя.

– И в каком же виде спорта он чемпион? – спросила тихо стоявшая до сих пор Ирка.

– Предполагаю, что по фигурному катанию, – не утерпел приятель, – или по стрельбе из лука!

– Боже! – закатила глаза Мысина. – Вы невероятные люди!

Галка вновь залезла в сумку, вытащила оттуда довольно большую кожаную коробку и протянула мне.

– Смотри!

Я открыла крышку и увидела странные ярко-желтые зажимы.

– Заколки для галстуков? Зачем столько?

Мысина посмотрела на меня с превосходством.

– Чукча! Это ежедневные медали! Неужели никогда не видела?

– Если эти железки, как ты выразилась, ежедневные медали, значит, есть еще и праздничные знаки отличия? – предположил полковник.

Мысина повертела пальцем у виска:

– Вы беспросветная темнота! Разве военные таскают на мундирах ордена? У них есть такие разноцветные полосочки!

– Планки, – уточнил Дегтярев.

– Французы называют их «фруктовый салат», – я не упу-

стила момента продемонстрировать глубину своих знаний.

Галка потрясла коробкой.

– Это собачьи планки, их цепляют на попону или пальтишко! Александр Михайлович без знаков отличия гулять не пойдет, а медали только на выставках демонстрируют. Он трехкратный чемпион мира по доставанию бобров из нор.

– Ох и ни фиги себе, – воскликнула Ирка, – охотник, знает.

– Ужасно! – возмутилась я. – Несчастные бобры! Какое право имеет собака выгонять их из собственных квартир?

– А шубки? – алчно воскликнула Мысина. – Манто из бобра шикарная вещь.

Мне захотелось стукнуть Галку, носить пальто из шкуры животного бесчеловечно!

Послышался тихий скрип, я машинально посмотрела в сторону лестницы. Из-за балясин выглядывал Хучик, мопс прятался на площадке между первым и вторым этажом, там где лестница делает поворот. Поведение Хуча меня удивило, как правило, он весело встречает хозяйку у входной двери, бежит впереди стаи, а сейчас опасливо высовывается из укрытия.

– Милый, иди сюда, – позвала я.

Мопс деликатно кашлянул, чемпион вздрогнул, взвизгнул и стрелой полетел вверх по ступенькам, походя спихнув вторую напольную вазу, которая тоже скатилась к ногам Дегтярева и превратилась в фарфоровую пыль.

– Слава богу, – всплеснула руками Ирка, – до чего мне надоело с этих дур пыль вытирать!

– Куда он так ринулся? – спросил Дегтярев.

Я открыла рот, и тут же услышала яростное рычание и визг Хуча.

– Убивают! – завопила Ирка.

– Сейчас же отцепись, – раздался Машин крик, – откуда ты взялся!

Я ринулась в библиотеку и застала там душераздирающую картину. Хуч лежал на спине, задрал все четыре лапы, у него на животе гордо восседал Александр Михайлович (надеюсь, вы понимаете, что речь идет не о полковнике) и пытался уку-сить бедолагу за толстую шею.

С быстротой кошки я схватила чемпиона за хвост и сдер-нула на пол, Хуч, проявив невероятную резвость, испарился в мгновение ока.

– Он хотел сожрать мопса! – ожила Маша.

– Перепутал его с бобром, – подал голос появившийся Дегтярев.

– Убийца, – припечатала запыхавшаяся Ирка, – ну, Дарь Иванна, и зачем вы только согласились его передержать!

– Полагала, что Александр Михайлович мужчина, – про-мямлила я.

– А теперь возникли сомнения? – начал злиться полков-ник.

– Я имею в виду собаку, – уточнила я. – Галка ничего не

сказала про нее и...

– Надо немедленно вернуть ей пса! – встрепелась Маша и побежала вниз.

Я, держа под мышкой успокоившегося чемпиона, пошла за ней. В холле было пусто, мы с Маней выглянули во двор и увидели, что машины Мысиной нет. Звонки на мобильный не дали результата, Галка не снимала трубку.

– Не знаю, как вы, а я, пока в доме охотится на бобров это чудовище, отказываюсь выходить из спальни, – гордо заявил Дегтярев и удалился.

– Неприятная ситуация, – констатировала Машка.

– Ума не приложу, что делать, – призналась я, – может, водить гостя по дому на поводке?

– Только на меня не рассчитывайте, – испугалась Ирка, – я боюсь таких злобных!

– Он просто хорошо выполняет свою работу, – защитила Александра Михайловича Маня, – думаю, ему надо объяснить наши порядки.

– Шикарная идея, – согласилась Ирка, – и как это сделать? Я не владею разговорным лаем.

Маня выхватила у меня чемпиона:

– Мы идем в гостиную, а вы зовите туда ребят.

Мы с Иркой отправились искать собак. Хуч был обнаружен в гардеробной, за коробкой с босоножками, Банди нашелся в бане, он тихо лежал в пустом джакузи, Черри спала в гостевой комнате под ковром, Снапа я выковырнула из-

под буфета, а Жюли выудила из корзинки с картошкой. Наша стая никогда не проявляет агрессивности, вот и сейчас никто не щелкал зубами, не рычал с угрожающим видом, просто собаки не хотели общаться с наглым гостем.

Когда все очутились в гостиной, Маня стала по очереди подносить чемпиона к морде каждой собаки и говорить:

– Это не бобер, изволь с ним подружиться! Ты понял? Никакой охоты!

Потом она посадила хулигана на ковер и заявила:

– Ты будешь Чемп!

Охотник моргнул и покосился на Снапа.

– Мы не можем звать тебя Александр Михайлович, – продолжала Маруся, – ну как, ужин подавать? Позовем тебя, к миске прибежит Дегтярев. Чемп отличная кличка, все поймут, что ты настоящий чемпион.

– Так он тебя и понял, – засмеялась Ирка.

Чемп чихнул, потом упал на живот, подполз к Хучу и перевернулся на спину, продемонстрировав мопсу розовое брюхо.

– Один ноль в нашу пользу, – подпрыгнула Маруся, – нечеловеческого ума пес, с первого раза усек проблему, он просит у Хучика прощения.

– Притворяется, – отрезала Ирка, – при нас паинькой прикидывается, а ночью он мопса, как бобра, перекусит.

Чемп повернул голову, наградил домработницу презрительным взглядом, затем облизал морду Банди, который ра-

нее с некоторой опаской наблюдал за братанием гостя и Хуча.

– Можно спокойно заниматься своими делами, – запрыгала в восторге Маня и убежала.

– Если услышишь звуки драки, – попросила я Ирку, – немедленно вылей на дерущихся воду и зови нас.

– Не хочу с ведром по дому рассекать, – мрачно ответила Ирка, – и пока вы добегите, этот, с позволения сказать, Чмп, меня сожрет.

– Он охотится на бобров, – напомнила я, – ты намного крупнее.

– По-вашему, я жутко жирная? – нахмурилась Ирка.

– Нет, конечно, но, согласись, человек больше бобра, – улыбнулась я.

– Значит, я толстая! – со слезами в голосе настаивала Ира.

– Ты мощнее бобра, и это естественно.

– Отвратительная корова!

– Речь идет о не очень больших млекопитающих!

– Свинья просто! – прошептала домработница.

– При чем здесь хрюшки? – не поняла я.

– Они безостановочно едят и носят халаты семьдесят шестого размера, – захлопала носом Ирка.

– Ты меня не поняла!

– Расчудесно все слышала! У меня отличный слух!

– Пусть так, но услышать и слушать – разные глаголы.

– Я глухая, да? Жирная, да еще с большими ушами, – за-

стонала домработница. – Взяли и обидели.

– Ира, успокойся, – утешила ее я, – выпей чаю, посмотри телик.

– Ой, не к добру такая забота, – запричитала Ирка.

Я поспешила уйти из гостиной, иногда у нашей прислуги в мозгу происходит короткое замыкание. Скорей всего, Ирка здорово испугалась Александра Михайловича, то есть Чемпа, поэтому и впала в ступор.

Сейчас в доме царил полнейшая тишина. Многолетнее посещение кружка при Ветеринарной академии принесло свои плоды, Маруська замечательно разбирается в психологии собак, вон как быстро она приструнила Чемпа.

В ту же секунду из столовой донеслось тихое позвякивание, сопение и довольное урчание. Я тихо вошла в комнату, большую часть которой занимает длинный овальный стол с двенадцатью стульями, и онемела от негодования. На зеленой шелковой скатерти стоял Хучик и, обмирая от восторга, лопал из хрустальной «лодочки» мармелад. А по длинной столешнице туда-сюда с космической скоростью метался Чемп, ухитрявшийся одновременно воровать зефир, облизывать шоколад и грызть курабье.

– Хулиганье! – ошалело произнесла я.

Бело-рыжее тело со скоростью молнии сигануло вниз и пропало. Хуч растерялся, поднял морду и выпучил свои и без того огромные глаза.

– Приличные мопсы не тырят сладкое, даже если их под-

бывают на это отвязные охотники за бобрами, – укорила я Хучика, – сам бы ты ни за какие пряники не додумался сюда забраться. Дорогу к лакомствам тебе указал Чемп. Ну а теперь оцени нового приятеля по достоинству. Он сбежал, а тебя бросил, это красиво?

Хучик начал тихо выть, я взяла его на руки, поставила на пол и заявила:

– Сделай нужные выводы, не ходи с Александром Михайловичем в разведку. Кстати, тебе вреден сахар во всех его видах, живот заболит, уши зачесутся. На первый раз я тебя прощаю, но помни, ты взрослая собака, живи своим умом, не проказничай с Чемпом.

– Чего случилось? – заглянула в столовую Ирка.

– Хочу форточку закрыть, – я решила не выдавать Хуча, – дует.

На следующий день около полудня я, припарковав машину возле небольшого магазинчика, пошла к кирпичной пятиэтажке, серевшей в глубине двора. Сто восемьдесят третья квартира оказалась на четвертом этаже, лифт в доме отсутствовал, а на крохотной лестничной клетке, куда выходили еще три двери, было не повернуться. Тут стояли детская коляска, санки, ящик из-под бананов, набитый деревяшками, и два пакета с мусором.

Стараясь глубоко не дышать, я нажала на звонок.

– Чего надо? – прохрипело из квартиры.

Голос был слишком низким для женщины и слишком высоким, чтобы принадлежать мужчине.

– Анна Королькова здесь проживает? – ответила я вопросом на вопрос.

Послышался скрип, ободранная дверь приотворилась, мне в лицо пахнуло отвратительным «букетом» из кошачьей мочи, протухшей рыбы и чеснока. Толстая бабища в замызганном спортивном костюме и в массивных мужских ботинках глянула на меня из-под челки, «сосульками» падающей на лоб.

– И чего надо? – апатично повторила она.

– Позовите Анну Королькову, – попросила я.

– Бабку, штоль?

– Да, пожалуйста.

– Она уехала, – почесывая голову грязными пальцами, заявила тетка.

– Скоро вернется? – спросила я.

– Ну... может, через три месяца, – зевнула бабища.

– Куда же могла так надолго отправиться пожилая женщина? – удивилась я.

– Отдыхать. В деревню.

– Зимой?

– И че? Там хорошо, воздух свежий.

– Простите, как вас зовут? – решила я наладить контакт с непривлекательной особой.

– Марина, – прогудела хозяйка. – Слышь, одолжи сотняш-

ку, трубы горят!

– У вас пожар? – не поняла я.

– Сушняк, – пояснила грязнуля.

И тут до меня дошел смысл услышанного.

– Вы Марина? Дочь Анны Корольковой?

– Ты не ошиблась, – прокашляла в ответ пьяница, – так че про сотенку? Окажешь помощь инвалиду?

Ноги приросли к полу, по спине пробежали мурашки, потом лопатки вспотели. Я вижу свою сводную сестру! Люди, скажите мне, что это сон!

Глава 9

– Ты че, больная? – насторожилась Марина.

Я, стряхнув с себя оцепенение, вынула кошелек, нашла розовую бумажку, протянула алкоголичке и осипшим голосом спросила:

– Можно войти?

Неожиданно обретенная родственница спрятала купюру за пазуху и вполне вежливо ответила:

– Заходи!

Я ввинтилась в крошечную прихожую и поняла, что очутилась в копии своей давней квартиры в Медведково.

– Из собеса, что ли? – скривилась Марина, но быстро исправилась: – Не, они денег просто так не дадут!

Я, уже успев прийти в себя, постаралась улыбнуться и равнодушным голосом заявила:

– Я представляю общество «Дружба».

– Чего? – вытаращила глаза хозяйка.

Я не успела придумать дальше, потому что распахнулась дверь санузла и оттуда вышла девушка в одних трусиках, голову ее украшал тюрбан из рваного полотенца.

– Навставали тут, – заругалась она, – не пройти. Че у двери топчетесь?

– Ну ваще, ты даешь, – нахмурилась Марина, – Ленка, хоть прикройся!

– Жарко, – заявила та, направляясь в комнату.

– Без стыда совсем, – укорила Марина, – чужой человек пришел!

– Я у себя дома, – огрызнулась Лена и исчезла.

– Ваша дочь? – завязала я разговор.

– Никогда, – отрезала Марина, – слава богу, у меня детей нет. Это соседка, Ленка.

– Здесь коммунальная квартира? – поразились я.

Марина сложила руки на груди.

– А жить как? Я больная, работать долго не могу! Только начну шваброй по полу шкрябать, голова кружится, кровь приливает, давление скачет. Ведро с водой не поднять, а жрать охота! И мамоньку кормить надо! Лекарства ей покупать! Мама у человека одна! Дай еще сотняшку! Вишь, как нам плохо? Пустила за деньги Ленку пожить, а та не платит и хамит. Голая из ванной выскакивает. Из-за нее мамочка в деревню укатила! Нервы не выдержали!

По опухшим щекам алкоголички поползли две мутные, как капли самогонки, слезы.

– А не бреши-ка. Все она врет! Вы из собеса? – закричала Лена, выскакивая из комнаты.

Я опять не успела ответить, жиличка, натянувшая джинсы и ярко-красный свитер, с пулеметной скоростью затараторила:

– Ни слова правды от Маринки не услышите! Первого числа за ее халупу я шесть тысяч рублей отдаю, ни разу не

задержала! А она деньги схапает и через два дня начинает: плати за воду, много льешь, добавь на газ, ты картошку варишь. А электричество? Я за весь счетчик вношу!

– Это по справедливости! – взвизгнула Марина. – Мне свет не нужен, спать ложусь рано, а ты до утра колобродишь! Всю кухню прокурила!

– У тебя там дерьмом несет, – завизжала Лена, – я от вони спасаюсь! Кто у меня платок украл?

– Я?

– Ты!

– Сука!

– ...!

– ...!

– Прекратите! – прикрикнула я.

– Она первая начала, – не успокоилась Лена.

– Это Ленка хай завела, – в унисон подхватила Марина.

Меня стало подташнивать, но я посоветовала девице:

– Елена, если вы не можете найти контакт с хозяйкой, смените квартиру! Это легко сделать хоть сейчас!

– Я заплатила за январь, – почти мирно ответила Лена, – и мне удобно здесь, рынок через дорогу, на работу за минуту добегаю. Маринка не плохая, с ней договориться можно, но пьет, отсюда и беда!

– А ты наркоманка! – вскипела Марина.

– Я?

– Ты!

– Сука!

– ...!

– ...!

Понимая, что происходящее начинает напоминать день сурка, я открыла кошелек.

– Марина!

– Ась? – отвлеклась от скандала хозяйка.

– Видите купюру?

– Тыща! – воскликнула алкоголичка.

– Вы ее получите, если скажете, где находится сейчас Анна Королькова.

– Деревня Ивановка, – мигом выпалила хозяйка, – от Москвы недалеко!

Я протянула Марине ассигнацию.

– Теперь назовите улицу и номер дома и по какому шоссе из столицы туда ехать?

– Там один проспект, – заржала пьянчуга, хватая «гоно-рар» и кидаясь в комнату, – от магазина до старого кладбища! А изба последняя, за ней овраг! Про шоссе не помню, то ли на север, то ли на юг! Ну, покедова!

– Вы уже не молодая, а наивная, – протянула Лена, когда дверь за хозяйкой захлопнулась, – она ж вас обманула! А кто такая Королькова?

– Мать Марины, – пояснила я.

– Бабка?

– Да уж не девочка, – вздохнула я, – ей немало лет.

Лена схватила меня за руку и с заговорщицким видом прошептала:

– Она давно померла!

– Королькова? – уточнила я.

– Мамашка Маринкина, – кивнула Лена.

– Зачем же дочь говорит, что мать в деревне?

– А пенсия? – фыркнула Лена. – Бабке она положена, там хорошая сумма набегает, несколько тысяч. Знаете, че Маринка придумала? Над ней, в сто восемьдесят седьмой, бабулек живет, тетя Рая. Вот они и сговорились, каждый раз, когда пенсию приносят, баба Рая тут поджидает, покажет паспорт доставщику, он ей рублики и вручает, а потом они с Ленкой чужой приход делят.

– Неплохая идея, – кивнула я, – но, думаю, вы ошибаетесь. По документам Раисы пенсию Корольковой не дадут!

– Мозг нагрей, – посоветовала Лена, – она не свой паспорт показывает!!

– Если Королькова умерла, то загс, выдавая справку о смерти, аннулировал бы паспорт покойной, сообщил в собес, и выплаты не было бы, – разъяснила я.

– Наивняк, – с жалостью усмехнулась Лена, – совсем жизни не знаешь! Не так умные люди поступают! Бабку из Москвы увезли, паспорт себе оставили. Она в деревне померла, там земли много, не город, закопали под елкой и забыли. Никаких справок не надо, для государства она живая, соседка ейные рублики получает! Супер-пупер всем!

Я не поверила Лене:

– Интересно, но фото в паспорте другое!

Лена взъерошила рукой влажные волосы:

– Документ ей хрен знает когда выдали, на снимке она еще ничего себе тетка, вполне приличная. А через годы она старухой стала, на карточку даже не похожа! Кто их, старпёров, друг от друга отличит? Вы с бабой Раей потолкуйте, она много чего знает! В отличие от Маринки положительная, не пьёт, не курит!

– Только пенсию ворует, – не утерпела я.

– Государство виновато, – резонно заявила Марина. – На подачку от правительства не прожить, вот и крутятся старухи! Хорошо, если дети помогают! Но у многих они, как Маринка, не просыхают! Приходится выживать самостоятельно.

– Я хочу продолжить разговор с Мариной, – вздохнула я.

– Не о чем нам болтать, – сказала хозяйка, появляясь в прихожей и хватая с вешалки замызганный китайский пуховик, – мне пахать пора!

– И где вы служите? – спросила я.

– Государственная тайна, – провозгласила алкоголичка.

– У метро в магазине полы метет, – сообщила Лена, – очень важная работа, о ней нельзя трепаться.

– Пошла ты, – огрызнулась хозяйка и выскочила на лестницу.

Я хотела кинуться за ней, но была остановлена Леной.

– Бесплезняк, – сказала девушка, удерживая меня за рукав, – зря ты ей деньги дала, теперь, пока не пропьет, не вернется.

– Глупо вышло, – расстроилась я, – но мне действительно надо узнать, где находится Анна Королькова.

– Завтра утром приходи, – посоветовала Лена, – она с похмелья будет маяться, вот здесь и прижмешь ей хвост. Но тока в руки рубрики не суй, пусть сначала все выложит! Перед носом купюрой маши, а в лапы не давай! И тыща – это слишком! Сотни за глаза хватит!

– Спасибо за поддержку, – улыбнулась я девушке.

– К алкоголикам особый подход нужен, – засмеялась в ответ Елена, – у меня папашка запойный, я знаю все их штучки.

– Когда-то у меня был муж, горький пьяница, – неожиданно разоткровенничалась я. – Хуже нет, чем жить вместе с любителем спиртного.

– Чего ж сейчас клювом щелкала?

– Растерялась, – ответила я и повернулась к двери, – до свидания, завтра непременно приду. Во сколько лучше объявиться?

– После полудня, – посоветовала жиличка, – раньше она не очмоняется. Эй, ты к бабе Рае-то загляни! Старуха пугливая, топнешь на нее, сразу признается.

Я стала медленно подниматься на последний этаж. В подростковом возрасте каждый человек испытывает приступы

тоски и одиночества. Восьмиклассница Даша Васильева не являлась исключением, порой мне казалось, что весь мир настроен ко мне враждебно, не с кем поделиться, рассказать о своих мыслях и чувствах, учителей волнуют лишь оценки, подруги поглощены мальчиками, а бабушке ничего не объяснить, Фася не поймет моих проблем. Как же я завидовала Вере Крыловой, у которой была старшая сестра Фаина, как же мне хотелось тоже иметь сестру, почти одногодку, я мечтала о дружбе, которая могла бы нас связывать!

И вот, пожалуйста, желание сбылось. У меня обнаружилась сестричка, правда, сводная, но все равно, у нас половина общей крови. И почему я не испытываю счастья? Может, права французская поговорка?⁸

Я остановилась у окна и перевела дух. Спокойно, лучше подумаю об Анне Корольковой. Она явно не открыла Марине тайны про сокровища. Скромная жилплощадь и дочью-уборщица. Не похоже на семью, в которой водятся деньги. Но откуда взялся золотой бокал? Если предположить, что Королькова продала его, то даже за один она получила бы огромную сумму. Лена убеждена, что мать Марины мертва, но, вероятно, жиличка ошибается. И где же пожилая дама? Почему она, много лет не трогая награбленное, сейчас залезла в тайник и взяла бокал? У Корольковой случилось нечто экстраординарное, ей внезапно понадобились деньги!

Я села на подоконник и вытащила сигареты. Сергей Пет-

⁸ Бойся своих желаний, они могут исполниться.

рович хочет найти украденные из музея экспонаты. Но, внимательно изучив документы Корольковой, Сергей составил психологический портрет воровки и понял: если много лет назад, даже под угрозой расстрела, она не призналась, то и сейчас нет ни малейших шансов на ее откровенность. Похоже, Анна человек несгибаемой силы воли, она мастерски прикинулась сумасшедшей, обвела вокруг пальца и следователя Панина, и психиатров. Почему Королькова не открыла им, где тайник? Ответ прост. Боялась, что ее расстреляют. Анна была очень умна и поняла: никому, а в особенности сотрудникам КГБ, верить нельзя. Ей обещают в обмен на правду маленький срок, но как только Панин разнюхает, где хранятся раритеты, он их выроет, и Королькова потеряет для него всякую ценность. Единственная возможность сохранить жизнь – это крепко прикусить язык. Пока сокровища тщательно спрятаны, Анна может спать спокойно.

Водоносков сообразил, что Королькова ничего ему не расскажет, и решил действовать окольными путями, отправил к старухе родную, никогда ею не виденную дочь. Сергей Петрович проявил иезуитскую хитрость, он все верно рассчитал. Я тут же согласилась пойти к Корольковой. Водоносков рассчитывает на мою жадность и на сентиментальность Корольковой. По его плану Анна должна была прослезиться, обнять потерянное дитяtko и рано или поздно дернуть завесу тайны.

Но меня абсолютно не волнуют сокровища, у нашей семьи

достаточно денег для безбедного существования, я хочу посмотреть в глаза своей матери, поговорить с ней, задать вопросы о дедушках, бабушках, тех, о которых ничего не слышала, мне не очень приятно ощущать себя перекасти-полем, оторванным от корней. Мне вдруг стало не по себе: мои родители воры – это не слишком приятно. Сестра – запойная алкоголичка, тоже «подарок». Должна ли я помогать Марине, устраивать ее на лечение, пытаться ее образумить? Или прав Фима? Не стоит никому рассказывать о нечаянно открывшейся истине. Как отнесутся Аркаша и Маша к известию об Анне и Игоре? Что скажет Дегтярев? Вероятно, они не обрадуются!

Я слезла с подоконника и медленно пошла вверх по лестнице. Из песни слов не выкинешь, Анна Королькова моя мать. Она отказалась от дочери, чтобы не ломать ей судьбу, она любила новорожденную и страдала, лишившись девочки. Вероятно, мысли об оставленной малышке придавали Анне решимости, и она смогла пройти через ад советской психиатрии. Но почему после падения коммунистического режима мама меня не отыскала? Есть лишь один ответ на этот вопрос.

Большинство отсидевших в советское время людей было напугано навсегда, страх оказался для бывших узников самой сильной эмоцией, и смена власти никоим образом не повлияла на их менталитет. Может, Анна издали наблюдала за мной, но познакомиться не решилась. Похоже, она сейчас в

беде, Королькова слаба физически, Марина куда-то увезла несчастную, хотела получить в свое распоряжение пенсию. Или...

Я вздрогнула. Анна жива, иначе бы на свет не всплыл один из кубков. Старуху похитили, ее украл некто, узнавший про сокровища. Корольковой немало лет, в ней уже нет той стойкости, что была в молодые годы, вероятно, Анну пытали, и она выдала часть вещей из тайника. Я должна как можно скорее отыскать ее.

Глава 10

– Вы ко мне? – приветливо спросила милая старушка в теплом халате. – Извините, я не одета, не ждала гостей.

– Дарья Васильева, – представилась я, – из собеса.

Баба Рая поправила аккуратно подстриженные седые волосы.

– Заходите, что случилось? Ботиночки снимите, мне убирать тяжело, хоть и невелика квартира, да силы с каждым днем убывают.

– У вас очень уютно, – отметила я, очутившись в крохотной кухне, – цветы красивые.

– Радуют гераньки, – закивала баба Рая, – распускаются круглый год, от того и моли нет, лучше всяких дорогих средств работают!

– Можно посмотреть ваше пенсионное удостоверение, – я попыталась изобразить суровую чиновницу.

– Пожалуйста, – засуетилась старуха и потрусилась в комнату.

Через пару минут она вернулась с жестяной коробочкой, открыла крышку и громко сказала:

– Умирать скоро, вот я и приготовилась. Родных нет, муж давно на том свете, детей не нажила. Сначала времени не было, о чужих заботилась, а потом по здоровью не получилось. Одежду себе в гроб приготовила, платье новое, белье,

туфли, платок, денег насобираала и все бумаги сложила, чтобы долго не искали. Вот: паспорт, пенсионное, карточка из поликлиники...

Я взяла одни «корочки» и раскрыла их.

– Логинова Раиса Матвеевна?

– Она самая! – закивала старушка.

– Фотография вроде не ваша.

– Что вы такое говорите, – испугалась она.

– Прическа совсем другая.

– Так это когда снято, – всплеснула руками Раиса Матвеевна, – с тех пор много воды утекло, меня и не узнать! С годами краше не делаешься!

– По-разному бывает, – не согласилась я, – в пожилом возрасте на лице проступает характер, хотя вы правы, жадность сильно уродует.

Баба Рая притихла.

– Зачем вы пришли? – осторожно осведомилась она, когда пауза в беседе слишком затянулась. – Меня раньше никогда из собеса дома не беспокоили, сама к вам хожу.

– Все когда-нибудь случается впервые, – строго сказала я, – вам знакома Анна Львовна Королькова?

– Нет, – слишком быстро ответила баба Рая, – мы никогда не встречались!

– Верится с трудом, – по-прежнему без улыбки сказала я, – если учесть, что Анна Львовна живет в квартире под вами.

– Ах, вы про Ньюшу! – «вспомнила» старуха. – Понятия не имею об ее отчестве!

– Значит, с Корольковой вы знакомы?

– Выходит, так.

– Давно заходили к ней в гости?

– Мы лишь во дворе сталкивались, – врала баба Рая, – поздороваемся и в разные стороны.

– А вот свидетель утверждает, что вы заходите в сто восемьдесят третью квартиру! Раз в месяц непременно!

– По-соседски, – изменила свои показания Раиса Матвеевна, – соли попросить, сахару! Иногда лень в магазин-то бежать.

– Но вы посещаете Королькову в строго определенные дни, когда ей приносят пенсию.

– Это для нас праздник, – запричитала Раиса, – ждем денег как манны небесной, и на радостях чаек пьем. Пастилы купим и пируем.

– С Мариной? – усмехнулась я. – Она скорее специалист по спиртным напиткам.

– Ой, горе, – махнула рукой Логинова, – поглядишь на чужих деток и обрадуешься, что своих нет. Я всю жизнь в садике воспитателем провертелась и скажу вам, что ребята встречаются порочные, с горшка подлые.

– Полагаю, из них вырастают такие же взрослые, – перебила я бабу Раю, – когда они стареют, договариваются с новой порослью плохих деток о мошеннических операциях.

Логинова приросла к стулу.

– Хотите, расскажу, как дальше будут развиваться события? – спросила я и, не дождавшись ответа, продолжила: – Милиция изымет ведомости, где вы расписывались за Королькову, и дверь в камеру захлопнется. Проведете остаток жизни за решеткой, правда, тратить деньги на еду и оплату квартиры вам не придется, государство предоставит и баланду и койку.

– Я старая, – еле слышно прошептала Раиса Матвеевна.

– Увы. Уголовный кодекс не делает послабления для пожилых людей, – не останавливалась я, – на снисхождение может рассчитывать только ребенок.

– Миленькая, – застонала баба Рая, – простите! Бес попутал! Одна живу! Денег нет! А тут...

Непрерывно всхлипывая и вытирая рукавом халата сухие глаза, старуха быстро изложила некрасивую историю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.